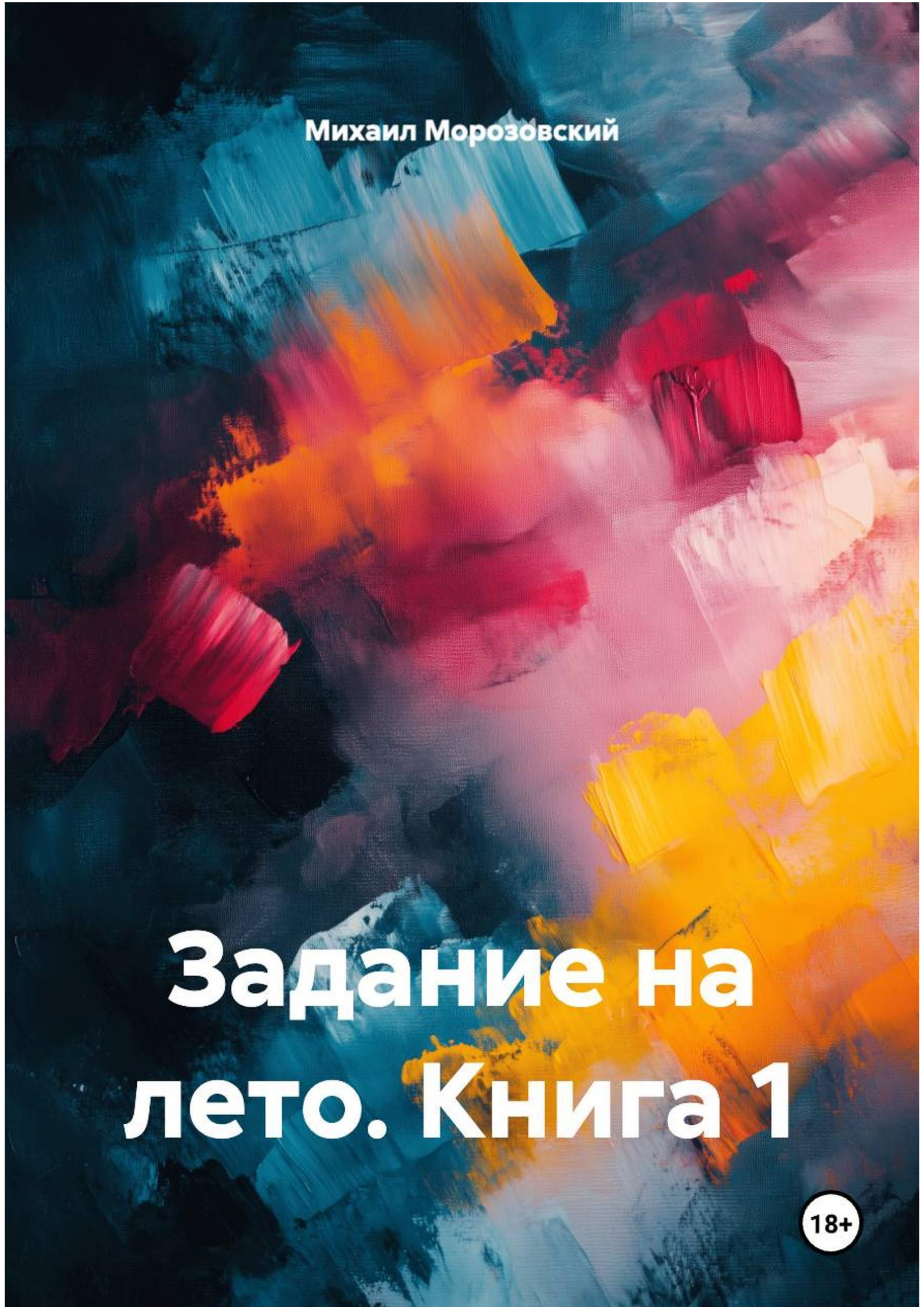
Михаил Морозовский
Задание на лето. Книга 1
18+

Михаил Морозовский

Задание на лето. Книга 1

«Автор»
2026

Морозовский М.

Задание на лето. Книга 1 / М. Морозовский — «Автор», 2026

Повесть.Книга первая.Конец шестидесятых.Короткое сибирское лето...Ватага мальчишек и девчонок двенадцати - тринадцати лет отдыхает на дачах, в бору, на берегу Обского моря.Их повседневная жизнь насыщена событиями и открытиями, загадками и тайнами, находками и потерями, встречами и расставаниями и, конечно же, – есть здесь место и глубоким, порой недетским чувствам.Сколько же может вместиться всего этого в одно короткое сибирское лето, вы узнаете из этой книги.

© Морозовский М., 2026
© Автор, 2026

Михаил Морозовский
Задание на лето. Книга 1

Михаил Морозовский

ЗАДАНИЕ НА ЛЕТО
Повесть

Книга первая

ОТ РЕДАКТОРА
(вступительное слово)

Знаете ли вы, что детские сады многих крупных городов в 70- годах прошлого века летом вывозили детей дошкольного возраста на дачи? В них отдыхали и дети сотрудников.

Перед вами увлекательная автобиографическая повесть, события которой происходят на детских дачах на берегу Обского моря рядом с деревней Боровое.

Главное действующее лицо - Мишка - сын сотрудницы, работавшей в летнее время на детских дачах поваром, а также его друзья - сверстники.

Жизнь ребят полна свежих впечатлений. Это первый шаг в самостоятельную жизнь без ежеминутной опеки взрослых: новые знакомства, друзья, интересные встречи, увлекательные походы и открытия, первые привязанности, первая любовь…

Во всём этом была своя неповторимая романтика, и эта романтика осталась в памяти на всю жизнь.

Данная повесть - это не просто захватывающий сюжет, интересный читателю любого возраста, это настоящее историческое погружение внутрь времени. Кто-то узнает в нём себя, а кто-то впервые откроет новые неизведанный доселе мир.

Повесть написана ярко и интересно, на наш взгляд она никого не оставит равнодушным, ведь в ней – душа автора, его сомнения, его мечты и восторги, его понимание характеров людей и ситуаций.

А для читателей эта книга - ещё и шаг к пониманию чего-то неизведанного или возвращение к нашему детству, что промелькнуло когда-то, как короткое сибирское лето.

Думаю, что такой экскурс в повседневную жизнь двенадцатилетних девчонок и мальчишек многим будет интересен. Но это - не конец истории. Продолжение событий - во второй книге «Задание на лето», где главные герои этой повести встретятся, но уже через пять лет.

Галина Никитина

Глава первая

ВЫЕЗД НА ДАЧИ

Лето в Сибири - это не только зелень лесов и золото полей на бескрайних просторах, это ещё и пора, когда сбываются самые дерзкие мальчишеские мечты. Время, когда друзья встречаются, и утро почему-то сразу переходит в вечер. Это когда фантазии расцветают одна за другой, и всё мало! Это когда совершенно некогда спать, так как новые события уже стучатся в твои двери.

Лето – это время, когда времени просто нет…

1.

Говорят, лошади сильно пахнут. Ничего подобного.

Мишка стоял и принюхивался к серой кобыле, запряжённой в телегу на резиновом ходу. Кобыла принюхивалась к Мишке.

Тётя Поля, что уже давно работает в прачечной детского сада, подсказала ему:

- А ты возьми на кухне, у знакомых своих, корочку чёрного хлеба да солью и посыпь её. Кобылу-то Дашкой зовут, знашь?!

- Да знаю я, тётя Поля, давно знаю…

- Ишь ты, пострел. Давно он знает… Ну так вот, Дашка-то чёрный хлеб с солью очень любит. Так и подружитесь. Ступай.

Мишка быстро бежит на кухню. Там сегодня дежурит тётя Шура. Она складывает оставшуюся кухонную утварь в большие коробки и узлы, чтобы потом вынести на улицу и загрузить в машину. У неё-то Мишка и просит отрезать ему корочку хлеба.

- Тебе сколько в этом году стукнуло? – спрашивает тётя Шура, вновь согнувшись над большим тюком.

- Двенадцать осенью было! - скороговоркой отвечает Мишка, отыскивая соль на раздаточном столе кухни и тут же круто посыпает ей чёрный хлеб.

- К Дашке навострился? - улыбается тётя Шура, выпрямляясь и смахивая капельки пота со лба.

- Ага! – бросает на лету Мишка, уже перепрыгивая через две ступеньки лестничного пролёта, ведущего со второго этажа на первый.

На улице, из окна цокольного этажа, даже летом валит пар. Здесь располагается прачечная, и тётя Поля стирает бельё на весь детский сад. В прачечной комнате всегда влажно и жарко. Окно, расположенное высоко от пола, почти всегда открыто, и с улицы, сверху вниз из него, видно только голову тёти Поли и сильно распахнутый на её груди серый (когда-то должно быть белый), старый, местами мокрый халат.

Мишка всегда смущается при виде такого откровения, и тётя Поля, зная об этом, весело над ним подтрунивает:

- Да ты что краской-то опять залился, куда бежал-то?

- К Дашке.

- Хлеб взял, нешто?

- Да, – показывает Мишка на вытянутой руке кусок просоленной горбушки.

- Ну и корми! Она смирная, как и я, - хохочет тётя Поля, чем ещё больше вгоняет Мишку в краску.

2.

Начало лета! Третье число. А жара необыкновенная - парит уже с утра.

Дворник, домыв асфальт двора, поливает из чёрного толстого резинового шланга цветы, что растут у изгороди детской прогулочной площадки, расположенной внутри двора. Пахнет мокрым асфальтом и тополями.

Здесь, в тени старого пятиэтажного дома сталинской постройки, свежо. Детский сад, занимающий два первых этажа, готовится к ремонту. Детей вывезли, и теперь они всё лето проведут на загородных дачах, что расположены под Боровым, недалеко от Обского водохранилища.

У входа в детский сад стоит куча коробок и к ним добавляются всё новые и новые. Ждут машину.

Здесь же, недалеко от нижних ступенек высокого крыльца, стоит немолодая кобыла Дашка, запряжённая в старенькую, но аккуратную повозку. На повозке - большущие белые алюминиевые бидоны с косой надписью красной краской «молоко», большой синий деревянный сундук, из которого приятно тянет запахом свежего хлеба, картонная серая коробка с маслом и ещё какие-то упаковки с продуктами.

Возчик расположился на чуть возвышающейся над повозкой сидушке как-то, не совсем ловко приделанной сбоку телеги, покуривает самокрутку...

- Принёс, нешто? – спрашивает он Мишку. Тот кивает в ответ головой, но руки держит за спиной.

Лошадь обнюхивает Мишкино плечо, сильно втягивая воздух волосатыми ноздрями, чуть подёргивая верхней пухлой губой, что приоткрывает большие жёлтые зубы.

Мишке страшно: - А вдруг укусит, вон у неё какие зубищи!

Дашка косит глазом, чуть фыркает ноздрями и пытается заглянуть Мишке за спину, да оглобли не дают ей ещё больше повернуть голову, и тогда она встряхивает и качает головой.

Возчик щурится, не то от дыма полуистлевшей цигарки, не то от солнечных зайчиков, что прыгают по его лицу, просачиваясь сквозь кроны деревьев. Снимает старую чёрную кепку, достаёт из внутреннего кармана стёганой безрукавки, с большой прожжённой дырой на боку, серый платок и вытирает им пот с лысины и шеи, снова надевает кепку:

- Да корми уж, нето! Не укусит, - видя нерешительность Мишки, добавляет, - давай, смелее. Токма, цельный кусок ей сразу-то не давай, а отщипывай помалёху.

Мишка за спиной у себя отламывает первый кусочек и осторожно протягивает к носу Дашки. Та сначала отдёргивает морду в сторону, но потом, принюхавшись, наклоняется и нежно смахивает верхней губой кусочек хлеба с маленькой Мишкиной ладошки себе в рот. Мишка смеётся, ему щекотно. Дашка трогает губами его за ухо, а он снова и снова отщипывает кусочки, и те точно так же проворно исчезают под мягкими, влажными губами Дашки.

Потом Дашка даёт себя гладить, и Мишка делает для себя новое открытие: шерсть у лошадей жёсткая и лежит в одну сторону, а грива мягкая, длинная…

Подошла долгожданная бортовушка - «ГАЗ» тёмно-зелёного цвета. Вернее, не подошла, а подползла, чихая и кашляя. Остановилась, дёрнулась пару раз и тут же заглохла.

- Да нельзя мне ехать, девки! - кричит шофёр, переругиваясь со стоящими на крыльце нянечками, поварами и воспитательницей в ситцевом цветастом платьице, что легко взлетает при малейшем ветре. - Не тянет ни хрена. Что-то с карбюратором…

- Как это ты не поедешь, а молоко, а яйца? Масло таять начало!.. Да и хлеба-то там на день осталось, не больше. Ты давай, заводи свою таратайку. Девки, грузите всё! - командует тётя Шура. - Ну, что стоите, молоко скиснет! И ты, боров, давай фляги-то подавай, не уж-то нам, бабам одним такое тягать!

Как не кипятился водитель, а машину всё же загрузили, борта закрыли. Долго гудел стартер, и что-то стреляло из выхлопной трубы. Грузовичок кое-как завёлся.

Мишке предложили сесть с воспитательницей в тесную маленькую кабину, но он попросился в кузов, и ему уступили:

- Только ты у борта не садись, а вон на ту лавку, за кабиной сразу, чтоб не надуло, - говорит водитель, стоя на подножке кабины и последний раз жалостливо окидывая кузов машины. - Ну, поехали, что ли?

- Да езжай ты! И так ужо опаздываем, - сердится тётя Шура.

- Ох, бабы, как бы нам назад не вернуться…

- Типун тебе… Что ты всё причитаешь?! И так три часа тебя ждали… Ехай, нето! – тётя Шура садится рядом с Мишкой, отворачивается от водителя и повязывает себе на голову платок так, чтобы волосы ветром не раздувало.

3.

Бортовушка тронулась с места и пошла, сначала неуверенно, неровно, слегка дёргаясь. Потом всё же набрала ход и довольно лихо скатилась с горы к мосту через маленькую речку Тулу, что протекает недалеко от детского садика.

Здорово стоять в кузове и ловить ветром встречный воздух. Ветер расчёсывает волосы, прижимает их к голове, перехватывает дыхание. Нравится Мишке такая езда. Очень нравится!

Уверенно промчавшись по мосту, машина стала с трудом подниматься на большой подъём за ним и буквально еле-еле въехала на него. Дальше быстрой езды не получилось. Машина ревела, дёргалась, кашляла, гремела выхлопом, но никак не могла снова набрать ход.

- Нет, больше сорока километров не потянет, - подумал Мишка и немного расстроился. Быстрой езды с ветерком, на которую он так рассчитывал ещё десять минут назад, явно не получалось.

На выезде из Новосибирска машина на перекрёстке ещё раз чихнула и остановилась рядом с двухэтажным зданием старинной постройки из красного кирпича, прямо напротив зелёного деревянного крыльца с навесом.

Мишка знал, что здесь находится магазин. Они часто заходили в него с отцом или дедом перед тем, как отправиться в деревню Боровое, что в пятидесяти километрах от Новосибирска.

Водитель, хлопнув дверцей машины, бежит к магазину и быстро поднимается на крыльцо, рывком распахивает дверь и исчезает в тёмном проёме. От ветра деревянная дверь, обитая коричневым дерматином, медленно, будто нехотя, со скрипом закрывается. - Куда он? – спрашивает техничка.

- А Бог их мужиков поймёт?.. За водкой, наверное, - отвечает тётя Шура, снимая старенький платок с головы.

- Звонить побежал в гараж, - как бы всем сразу говорит нараспев воспитательница Светлана Викторовна, ступая белыми туфельками на придорожную пыль. - Приехали, говорит.

Светлана Викторовна щурится на яркое солнце, поправляя копну пышных светлых пшеничных волос, и лёгкий ветерок, подхватив её воздушное ситцевое платье, обнажает красивые точёные ноги:

- Мотор греется, не доедем, говорит, - добавляет она и немного отходит от машины, мягко ступая на зелёную придорожную траву.

Через пару минут водитель появился на крыльце магазина, зелёная краска которого местами облупилась, и даже с дороги видны проплешины старых деревянных конструкций.

- Всё, бабы, вертаемся. Машину вам дадут только к вечеру, так что выхода нет - едем разгружаться! Я за пятьдесят вёрст на таком движке не поеду - встанем по дороге, и скиснется тогда всё ваше молоко, и масло, и что там ещё... Вон жара какая!

Мишке план с возвращением очень даже не понравился. Он быстро спустился с деревянного борта на колесо, с него спрыгнул на пыльную обочину и подбежал к воспитательнице, которая как-то уж очень безучастно (видимо сильно задумавшись о своём) смотрела куда-то вдаль, в небо…

- Надежда Георгиевна!..

- Викторовна я, Миша!

- Надежда Викторовна, - смущённо поправляется Мишка, - а можно я сам, на попутке поеду, я дорогу знаю. Мы много раз по ней ездили в Боровое и с отцом, и с дедом. Да и машины я умею останавливать.

- Всё-то ты уже умеешь? И даже - машины останавливать?! Что, девушки, отпустим сокола? – обращается Надежда Викторовна к женщинам, сидящим в кузове машины.

- Пусть едет, он парень проворный, – отвечает за всех тётя Шура, вновь повязывая платок на голову.

- А то как не доберётся? - спрашивает нянечка.

- Этот-то?! – тётя Шура смотрит с улыбкой на Мишку, тот улыбается ей в ответ. - Этот доберётся вперёд нас, - уверенно говорит тётя Шура. – Пускай его, Светлана. Только чтоб через дорогу не шибко…

- Я знаю! - кричит Мишка, уже перебегая на другую сторону перекрёстка к старенькой деревянной остановке, крытой местами дырявым шифером.

- От, пострел! И в кого такой?! - качает головой тётя Шура.

Мишка рад такому неожиданному повороту событий. Его не пугает ни дальняя дорога, ни то, что на остановке, куда он только что прибежал, никого нет.

Там впереди что-то будоражащее его воображение, и это что-то зовёт его, манит, дразнит далью и новыми запахами. А ещё ярким добрым солнцем, что щедро льёт своё тепло.

Начало лета… Ровная лента асфальтированной дороги…

Машины… Здорово…

Глава вторая

УМРУ, НО ГАЗ НЕ СБАВЛЮ

Жестянка с расписанием автобусов сбита, висит на одном ржавом, согнутом гвозде. На ней ничего не разобрать - все буквы и цифры выгорели или смыты дождём. Отчётливо видны только свежие наплывы ржавчины.

1.

Посмотрев на расписание, Мишка прошёл чуть дальше, за остановку, как они делали с дедом, когда уезжали отсюда в Боровое, и стал ждать.

Дед…

Мама, когда передала его письмо сразу после одной из весенних поездок в Боровое, говорила, что он заболел и слёг. Она часто этой весной ездила к деду - то с отцом, то без него.

В письме была два тетрадных листка в косую синюю линейку. На одном листе простым карандашом мелкими штрихами была нарисована лошадь. Мишка прошлым летом то и дело просил деда нарисовать лошадь, а тому всё некогда было – хозяйство большое, да и с кузни он возвращался уж когда вечеряло. Нехотя отнекивался – потом, да потом. На другом листке неразборчивым почерком дед писал, что вряд ли сможет принять его в этом году в гости и что друганы его - Колька, Витька и Сергей передают ему привет и зовут этим летом с ними вместе искать клад. Что в том кладе – в письме об этом не было ни слова.

- Опять что-то удумали и ведь без меня начнут! – шепчет себе под нос Мишка, глядя на обочину дороги.

Суббота.

Солнце в зените. Обеденное время. Трасса почти пустая. Время от времени по ней проезжает легковая машина. Грузовиков почти нет. Вот плетётся старый, синенький «Москвич», с большими, блестящими на солнце никелированными бамперами. Наверху машины багажник с огромными тюками, колёса под грузом так просели, что кажутся приспущенными.

- Тяжело ползёт. Весь в пыли, даже окна серые. Издалека едет… - размышляет Мишка. - Телега на деревянном ходу, обитым металлическими обручами… Пустая, гремит на асфальте… Хорошо бежит лошадь, свежая ещё… Значит, не издалека… Н-да, скучновато сегодня, даже не посоревноваться.

Но через час дорога преобразилась, и по ней туда-сюда засновали разные машины. Мишка принялся их считать и соревнование началось: - Наши выезжают, не наши въезжают, - решил он поиграть в игру, в которую они часто играли со знакомыми городскими мальчишками, сидя у дороги. «Не наших» было катастрофически больше, и Мишке такой результат не понравился. Голосует Мишка каждому грузовичку с деревянными бортами. Легковые пропускает.

- Энти никогда не останавливаются, - говаривал дед.

Мишка продолжает голосовать, но все машины пролетают мимо. Спешат. Вот и народ уже стал собираться на остановке.

Высокий новенький военный «ЗИЛ», с брезентовым тентом, не притормаживая, вылетает на перекрёсток и нахально заняв середину дороги, ещё больше набирает ход. Мишка безнадёжно махнул перед носом машины:

- Военные… Вечно куда-то торопятся.

«ЗИЛ», пролетев метров сто, резко свернул на обочину и также резко затормозил, подняв огромное облако пыли, в которое затем и погрузился.

- Ух ты! Во даёт! - вырвалось непроизвольно у Мишки.

Машина постояла несколько секунд, и вдруг быстро начала сдавать назад и буквально подлетела к Мишке, затормозив с характерным звуком шин, метрах в десяти от него.

Из пассажирского окна кабины выглянул молодой парень в пилотке:

- Тебе куда, пацан?!

- Мне в Боровое! – набегу крикнул Мишка.

- Не, я дальше! Прямо по трассе пойду, - разрезав ладошкой пространство, солдат указал куда-то вперёд. - Могу подбросить до поворота на Боровое. Годится?

- Годится, дяденька! - рад Мишка. А как иначе – на военной машине поедет! Впервые! Будет, что ребятам рассказать.

- Ну тогда давай руку, подсажу, – солдат открывает пассажирскую дверцу кабины и протягивает Мишке руку.

- Я сам, - пробует возразить Мишка, но ступенька машины действительно для него высоковата, и крепкая рука парня ловко втаскивает его за шиворот.

- Давай по-солдатски, а то со временем у меня полный абзац, опаздываю уже. Сейчас на трассе навёрстывать будем, - как-то уж больно весело говорит парень.

Мишка таких молодых водителей ещё и не видел. Интересно, как этому парню дали такую большую новую машину?

2.

«ЗИЛок» легко трогается с места, и быстро… Нет - очень быстро набирает ход. Мишку аж вдавило в спинку командирского сидения, а то, что это сидение командирское, Мишка решил сразу, как только на нём оказался.

- Ух, ты!.. Зыко! – вырвалось у него как-то, само собой.

- Нравится? – спросил парень, весело посматривая приветливыми глазами на Мишку.

- А то! Как она с места, и сразу… О, уже сорок! – выкрикивает он, указывая на стрелку спидометра, быстро ползущую вверх.

Мишка, чуть поёрзав, удобно устраивается на чёрном кожаном кресле и берётся (подражая водителю) двумя руками за большую ручку, что закреплена на столь же большом бардачке. Теперь он ведёт машину, и губы его издают характерный звук, подражая звуку двигателя.

- Сейчас не то ещё будет, – говорит солдат, переключая рычаг скоростей, что расположен несколько непривычно, для Мишки, чуть за спиной у водителя, ни как у всех знакомых ему бортовушек.

- О, пятьдесят…

- Пятьдесят пять…

- Шестьдесят! – комментирует Мишка вслух движение стрелки.

Легко летит машина, без надрыва. Только слышно шуршание больших новых чёрных колёс, с мощными протекторами, да жёстко потряхивает на не очень-то мягком сидении.

- Ух, ты, семьдесят! – восторженно вскрикивает Мишка.

- Восемьдесят!! Ой!..

- Что ой-то?! Страшновато? – довольно улыбается парень, уверенно держа сверху двумя руками огромный, блестящий свежим лаком, чёрный руль.

Мишка никогда с такой скоростью не ездил, да ещё на грузовой машине… Да ещё прямо по середине трассы… У него засосало чуть пониже пупка и голос как-то сам собою, ни с того, ни с сего осип:

- Да нет, дяденька, я ещё и не так быстро ездил, - соврал Мишка и почувствовал, что голос его предательски выдаёт.

Молодой солдат, с закатанными выше локтя рукавами, в расстёгнутой гимнастёрке с намокшими подмышками, улыбается и прибавляет газу:

- А так ездил?!

- Восемьдесят пять!

Красивая, мощная, большая, новая машина летит, как птица! Приятно пахнет новой краской, металлом, пластмассою и кожаными сиденьями. Здорово!

И тут Мишка замечает большой (как и всё в этой машине) брелок с яркой картинкой с одной стороны и с гравировкой по белому металлу с другой. Брелок прыгает, вращается, но Мишке удаётся прочитать, что на нём написано:

«Умру, но газ не сбавлю!»

- Ой! – вскрикивает Мишка непроизвольно и опускает глаза вниз.

3.

Теперь он действительно побаивается этой скоростной езды и этого парнишки, лихо вращающего руль. Как-то не хочется Мишке умирать: - А этот летит, как стрела, и пугает все идущие ему навстречу машины. А те трусливо жмутся к обочине, пропуская зелёную громадину. Да что встречные! Вон те, что идут с ними в одном направлении, и то, как стоячие, пролетают за спину.

- Дяденька, девяносто уже!

- Какой я тебе дяденька, пацан! Давай знакомиться, что ли?! Меня Мишкой зовут, и он протягивает Мишке правую руку, на минутку отрывая её от руля.

- И я Мишка! – улыбаясь, жмёт Мишка чуть влажную крепкую руку молодого парня.

- О, да мы тёзки! Ну, тогда я тебя с ветерком домчу! – радостно восклицает парень.

- Не надо с ветерком, - как-то не уверенно и тихо говорит Мишка, опуская глаза.

- Да ты никак сомлел? – солдат мельком глянул на бледнеющее лицо Мишки. - Не ел, что ли сегодня?

Водитель теперь уже пристально смотрит на Мишку, а Мишке становиться очень страшно: ведь солдат смотрит на него, а не на дорогу, а машина, кажется, ещё чуть-чуть и взлетит, или наскочит на другую. Или… Мишкины фантазии разыгрались не на шутку: - А этот всё газует и газует, вон и стрелка уж упёрлась в девяносто километров и тоже дрожит. А этот всё жмёт и жмёт на газ. Точно умрём. А ещё и хулиганит - быстро так бьёт по два-три раза по пибипке, и та очень громко сигналит и заставляет встречные машины съезжать на обочину…

В это время солдат делает резкое движение к Мишке, чем ещё больше загоняет его в стопорное состояние страха. Мишка вжимается в спинку сидения, не понимая, что происходит, а

парень уже быстро вращает ручку стеклоподъёмника, и опускает стекло полностью. Но свежий ветер, ворвавшийся в кабину машины, разом приводит Мишку в чувства и страх понемногу отступает…

- Это у тебя с непривычки. Ты вперёд не смотри, смотри по сторонам, сейчас пройдёт. Тёзка, ты уж извини, медленней я сегодня не могу, и так опаздываю. А в части у нас знаешь, что бывает за опоздание? У-у-у!.. Старшина параграфом по башке так долбанёт – мама не горюй! Да ещё жара сегодня, вот ты и сомлел. Ты подыши ветерком-то…

- А можно в окошко?!- оживился Мишка.

- Валяй, дыши!

Мишка с удовольствием высунулся из кабины и тут же захлебнулся сильным потоком встречного ветра. Выпускает его и снова, чуть приоткрыв рот, глотает воздух и задерживает дыхание. Вот это да!

Впереди маячит серая «Волга» и никак не уступает дорогу военному «ЗИЛу». Солдат привычно отрывисто сигналит несколько раз, но это не помогает. «Волга» упрямо идёт по середине и места на трассе уступать не собирается. Более того, она как будто играет с могучим «ЗИЛом», мешая ему сделать обгон, маневрируя то вправо, то влево.

То, что случилось дальше, сильно напугало и надолго запомнилось Мишке: парень потянулся левой рукой куда-то ниже панели приборной доски, и в следующие мгновение всё пространство вокруг вдруг взорвалось!..

4.

- А-а-а! - кричит Мишка!

- Уа- уау-ва…- дико ревёт сирена!

«Волга» вильнула туда-сюда, и быстро скатившись на обочину, резко, с заносом тормозит, а затем останавливается полностью.

Большущие клубы пыли накрывают её, и она совсем исчезает из вида. Но это Мишка видит уже в зеркало заднего вида - так всё быстро произошло. Он испуганно смотрит на солдата.

- Ну, а как иначе, Мишаня?..

Мишка не знает, как иначе, только теперь ему совсем разонравилась такая скоростная езда и захотелось поскорее выйти из этой жутко быстрой машины.

- Да ты никак испугался, тёзка? Сирены не слышал? - спросил снова весёлым голосом солдат.

- Не… Только в кино… Но там не так…

- Что не так?!

- Не так… - Мишка долго подбирает слово… - Не так страшно-громко что ли…

- Всё, договорились, больше не буду, – и солдат принялся насвистывать какую-то незнакомую Мишке мелодию.

Остаток пути они так и промолчали…

- Во-во, мой поворот! – громко крикнул Мишка, и солдат от неожиданности аж вздрогнул, чем не мало повеселил Мишку.

- Что ты так кричишь? Вижу я! Сейчас остановимся, а здесь нельзя - вон знак стоит….

Машина ещё проехала метров пятьдесят и лихо, как и в прошлый раз под Новосибирском, свернув на обочину, затормозила.

- Ну будь, тёзка, - протягивает солдат руку Мишке и улыбается.

Мишка с удовольствием звонко бьёт ладошкой по ладони солдата. - И ты… будь! - и быстро открыв дверцу, довольно проворно спрыгивает с высокой ступеньки «ЗИЛа», обходит его спереди, и так же быстро, перебежав дорогу, направляется к перекрёстку, и лишь немного

отбежав, оборачивается, чтобы посмотреть - не стоит ли ещё на обочине солдатская машина. Машина стоит.

Водитель, высунувшись из окна, машет ему рукой. Мишка подпрыгивает, тоже машет рукой солдату, и в следующее мгновение «ЗИЛ» буквально срывается с места. И снова встаёт на середину трассы и, быстро-быстро удаляясь, превращается в маленькую чёрную точку, которая скрывается за поворотом дороги…

- Эх, хорошая машина, - думает Мишка, направляясь к тому перекрёстку, который только что проскочили. Вращает воображаемый руль, представляя себя водителем большой машины, и как его машина подкатывает к остановке, к сидящим на обочине людям.

Высокое солнце палит нещадно, и видно, как ожидающие на остановке, прикладывают руки козырьком к глазам и следят за маленьким водителем необычного транспортного средства…

Глава третья

КРУТОЙ ПОДЪЁМ

Остановки как таковой здесь не было. Был натоптанный за долгие годы многими сотнями людей утрамбованный пятачок - без трещин, без травы. По краям дороги слой пыли толщиной в добрую ладонь. Сбоку – канавы, наполненные грязной дождевой водой и несколько большущих луж. Лето хоть и жаркое в этом году, но дожди зачастили. Вот и сейчас из-за того высокого, длинного подъёма, что проглядывает через вибрирующее марево вдалеке, и на который взбирается серой змейкой грунтовой тракт, медленно выплывает маленькое чёрное пятно.

1.

- Стороной пройдёт, - уверенной скороговоркой частит толстая бабка в длинной чёрной юбке, сидящая на двух здоровенных тюках. На голове старухи чёрный с яркими жёлтыми и красными цветами платок. Она лихо лузгает семечки и выплёвывает их на площадку перед собой. Несколько чешуек прилипло к её волосатому с бородавкой подбородку, но она их не замечает.

- Знамо, стороной, - лениво зевая и потягиваясь, отвечает ей высокий худой мужчина в серой со множеством мелких отверстий шляпе, - вон туда идёт, - машет он куда-то в сторону. На нём чуть коротковатые, хорошо выглаженные чёрные штаны, рубашка снята и небрежно переброшена через левое плечо. В правой руке - серая сетка с большими ячейками, в ней газетные пакеты, на одном из которых проглядывается селёдочное пятно. Бутылка водки, обёрнутая в серую упаковочную бумагу, хлеб, три банки рыбных консервов. Старая, заношенная, непонятного цвета вытянутая майка совсем не гармонирует с аккуратностью этого высокого мужчины:

- Да, пройдёт… Мож, чуток заденет, пыль собьёт.

- Аккурат накроить, - это суховатый старичок, что стоит чуть ближе старухи к дороге. Его кручёные пальцы сжимают набалдашник какой-то самодельной трости, чуть кривой, но с красивой резной ручкой. На старике серая кепка, длинная косоворотка, подвязанная поясом, тёмно-серые с вытянутыми коленками штаны, пыльные штиблеты неопределённого возраста и цвета: - Через часик, коль не уедем и накроить, как пить дать!

- Да помолчи уж, старый… Что зря брехать-то?! - бабка явно устала от ожидания и поэтому не скрывает своего раздражения. - А ты, паря, куда собрался? – обращается она совершенно другим, сладковатым голосом к Мишке.

- Да я в Боровое, на детские дачи…

- А-а-а, ну тада за нами с дедом бушь. Седай вот туды, в тень, а то солнышко нето... Кепка-то где, нет чё ли?

Очередь установлена, и больше Мишку в этой компании ничего не интересует. Он отходит к ближнему жиденькому кусту, садится в его решетчатую тень и начинает наблюдать, как плавают в луже три утки и селезень. Пахнет клевером, полынью, пыльной дорогой, затхлой водой и утиным помётом. Совсем не городской запах вносил какую-то новизну ощущений, и Мишке нравится вдыхать этот необычный, не пахнущий мокрый асфальтом и домами воздух…

- Да тормози ты, Василий! Уснул чё-ли? – дребезжащий голос старухи выводит Мишку из состояния лёгкой дрёмы.

По дороге, виляя, сильно пыля, гремя деревянными бортами и прыгая на ухабах, едет старенький грузовичок. Видимо, старик и правду задремал, как и Мишка, а потому махнул поздно. Правда мужчина голосует значительно активней, даже что-то при этом ещё и выкрикивает. Так как очередь была не Мишкина, то он и не спешил принимать в этом участия. Он так, из праздного любопытства, наблюдает за происходящим, прикрыв один глаз и растянувшись на траве.

2.

А видна ему следующая картина: трое устроили воистину спринтерский забег за уходящей машиной, при этом бабка умудрилась взвалить на себя две котомки, которые сильно мотыляются у неё на спине. Мишка хихикнул: - Две попы у одного человека.

Между тем «две попы» долгое время не отставали от высокого мужчины, и лишь старичок, пробежав с десяток шагов, остановился, и тоже, как и Мишка, занял наблюдательно - выжидательную позицию за происходящим состязанием. В конце концов старуха стала сдавать, остановилась и зло сплюнула на обочину, чего-то бормоча... Бросила тюки и грузно плюхнулась на них, чуть не опрокинувшись назад. Мишка тихо хихикнул.

А мужчина всё продолжал погоню за грузовичком, и - о чудо - тот остановился! Мужчина, сильно запыхавшись, подбежал к кабине и было видно, что он с кем-то говорит… Потом он, быстро кивнув несколько раз, легко и привычно перемахнул в кузов машины, причём машина не очень-то дожидалась, когда новый пассажир сядет, и сразу тронулась. Мужчина в кузове забалансировал руками и всё же не устоял на ногах.

- Бац! - мысленно прокомментировал происходящее Мишка. - Один уехал, - с сожалением подумал он. - Теперь ещё эти двое, а потом уж и я...

Туча за подъёмом дороги заметно подросла и стала ещё чернее. А солнце пекло неимоверно!

- Эх, сейчас бы скупаться, - мечтательно улыбается Мишка. - Колька с Серёжкой уже небось на море… Или всё же опять взялись за лопаты и лазают по лесам в поисках клада.

Год назад он вместе с ними раскопал два приличных лесных холма. Искали, как говорил Колька, танкетку, оставленную белыми при отступлении. Рыли так глубоко, что еле выбрались потом наверх, но ничего так и не нашли.

- Интересно, что за секретный план они разыскали этой зимой, и почему Колька об этом ему не написал?

Бабка вернулась на остановку:

- Какие вёдра нынча. Не побегашь... - она глотала гласные буквы в окончании слов, и Мишке показалось это очень забавным. Правда про вёдра он так и не понял: – Что это за вёдра, если в руках у неё две котомки? А да ладно, потом у кого ни будь спрошу…

Одним глазом он всё же посматривал за бабкой. Та устроилась удобно на своих тюках, запустила руку в широкий карман юбки, достала приличную горсть серых с чёрной полоской семечек и ловко по одной стала их забрасывать в рот, шумно выплёвывала кожуру.

- Жареные, наверно, - Мишке даже показалось, что он чувствует запах этих крупных семечек.

В это время одна из уток выбралась из лужи и довольно проворно подошла к ногам старухи, потянулась куда-то под юбку, клювом пытаясь что-то достать из глубокой придорожной пыли.

- Пшла, ляха такая! – шикнула бабка на утку, ткнув в её сторону ногой, и тут же вскочила. - Ты, чё делашь-то, Васёк?! Ну машина ж идёт, голосуй!

Первую машину дед пропустил, так как у неё был металлический кузов, а вот перед второй поднял уверенно палку, как шлагбаум, и начал суетливо махать второй свободной рукой…

Бабка на этот раз вскочила лишь тогда, когда машина начала останавливаться, проехав перед этим добрых полста метров.

- Следующая - моя, - подумал Мишка и с довольной улыбкой закрыл оба глаза.

3.

Он был сильно удивлён, когда услышал голоса возвращающихся деда и бабки. Сел… Встал… Машина стояла, а бабка и дед медленно, устало ковыляли снова на остановку.

- Иди, нето… Тебя зовёт… Знакомец твой, - бросила бабка на ходу Мишке, и почти без перерыва: - А чтоб тебя… набегашь тут, как молодуха… Василий, а что перву-то пропустил, а?

- О, подвалило, - на бегу думает Мишка. - Наверное, это машина с соседских дач, у них вроде... А нет, у них в прошлом году была синяя…

Он подбегает со стороны водителя, чтобы лучше разглядеть того, кто за рулём:

- Дяденька, до Борового возьмёте?

Здоровенный водитель, еле вмещавшийся в маленькую кабину «ГАЗа», кивнул ему на пассажирское сиденье:

- Сидай, пацан! Я тебя с Вовкой спутал, ну да поедем уж. В Береговое я…

Вот это фарт! За один день сразу на трёх машинах, да ещё второй раз в кабине! Мишка быстро обегает нос машины и дёргает ручку, но дверь не поддаётся.

- Сильней, паря! Вниз тяни, - у водителя голос грубый, хриплый.

Машина, конечно, не военная, но машина! Краска местами сколота, и проступает ржавчина. В кабине пыльно и пахнет бензином. А вот сидушка мягче, чем на военном «ЗИЛке», но коричневый дерматин сильно потрескался и местами из него торчит поролон. Шорты цепляются за эти трещины, и голым ногам колко. Местами чувствуются металлические пружины, что слегка выпирают на сиденье бугорками. Кабина сильно гремит, да и стёкла дребезжат… Но машина же!

4.

Бортовушка тронулась с места и, переходя на вторую скорость, резко дёрнулась, в коробке передач что-то затрещало… А потом она ровно пошла и, слегка завывая, начала набирать ход.

- Тебе в Боровое-то зачем, малец? - спросил здоровенный водитель, не глядя на Мишку.

- А я к маме еду, она у меня на даче работает. ДСК знаете?

- Это за Боровым, в бору крайняя будет?

- Ну, да! За нами только поля с горохом, да большущий бор, а дальше за полем стройка какая-то. Пионерский лагерь строят.

- «Юбилейный» что ли?

- Во, да, «Юбилейный»!

- А батя есть?

- Да, он в городе, работает…

- Значит, батя в городе, а мать на дачах, а тебя это, одного отпустили, да?

- Не, у нас продуктовая машина на выезде из города сломалась, прямо рядом с магазином, где хлеб и папиросы продают…

- Знаю, синие ступеньки…

- Не, зелёные ступеньки и козырёк…

- А я и говорю - зелёные… И как ты до сюда добрался-то?

- На военном «ЗИЛке», - с гордостью отрапортовал Мишка, приложив руку к воображаемой пилотке.

- Ты говори, говори… А то я вторые сутки за рулём, усну ненароком, – впервые улыбнулся водитель.

И тут Мишку прорвало и он, со всем своим красноречием, пустился описывать новенький «ЗИЛок», его громадные колёса, мощный руль и, конечно же, жуткую сирену… Он и не заметил, как в кабине резко потемнело, а машина подошла к главному, более чем полуторакилометровому, подъёму. Теперь она перешла на пониженную передачу и медленно ползла вверх, сильно подвывая.

А там, как будто зацепившись своим брюхом за кромку подъёма, висела огромная чёрная туча и всполохами чертила горизонт. Тёмная полоса дождя уже заметно быстро приближалась к грунтовому тракту, быстрее, чем двигалась их машина. И чем выше подъём, тем натужнее рёв двигателя и медленней ход машины…

- Только бы до ливня на этот подъём влезть, а там пронесёт, - не громко, но так, чтобы Мишка всё же услышал, говорит водитель.

Машина, хоть и ревела, дрожа всем своим металлическим стареньким телом, но ползла уже совсем медленно, как пешком. Мишка представил, что, пожалуй бы, он её сейчас без особых усилий обогнал, даже и не напрягаясь.

Шофёр до упора вдавил педаль газа и нервно дёргал время от времени подсос, но тот, то ли не работал, то ли Мишка это не замечал.

Туча накрыла всё пространство над ними, и было видно, как ливень коснулся полосы дороги, и та закипела. Дождь быстро сбивал толстый слой пыли, превращая его сначала в жидкое месиво, а потом в коричневые ручейки, что, сливаясь, хлынули вниз по дороге, образовав грязевой поток.

- Щас долбанёт! - крикнул шофёр в каком-то диком азарте. - Держись, малец!

Мишка и так вцепился в ручку на передней панели, и сжал пальцы так, что стало больно.

И, действительно - долбануло, так долбануло! Сначала вслед за молнией, что сверкнула где-то за кабиной машины, раздался страшной силы гром, что тряхануло машину, а в следующий момент Мишка почувствовал, как машина потеряла устойчивое сцепление с дорогой и её начало юзить, стаскивая к высокой обочине.

- Дверь! – сквозь дикий рёв мотора слышит Мишка, как кричит водитель.

- Что дверь? - одними губами спрашивает Мишка.

- Дверь открой, и в случае чего – прыгай! - гремит голос водителя, перекрывая шум мотора, дождя и грома.

В этот момент дождевики ещё пару раз дёрнувшись, остановились, и сильные потоки дождя сделали дорогу совсем невидимой. Зато обочину Мишка разглядел хорошо, когда открыл дверь, и тут же захлопнув её, повернулся к водителю. Тот уже стоял одной ногой на подножке, другой упрямо давил на газ и быстро-быстро вращал одной рукой руль машины. Мишка тоже открыл дверь и приготовился прыгать, но бортовушка медленно начала отпол-

зать от обрыва. До вершины оставалось всего ничего, когда машина, как будто перестав слушаться руля, стала скользить то в одну, то в другую сторону, практически не продвигаясь вперёд, а потом вдруг кузов пошёл куда-то вправо, и машина начала сползать вниз. В этот момент Мишка захлопнул дверь и закрыл глаза…

5.

Машина стояла на вершине подъёма на мокрой раскисшей обочине. Ливень кончился, но дождь ещё моросил, это было видно и по стеклу, и по лужам, что образовались тут и там. Шофёр беспрерывно курил, и в кабине от этого было трудно дышать. Стекло со стороны Мишки заклинило, и оно не открывалось. Водитель подёргал ручку стеклоподъёмника и матерно выругался. С его стороны Мишка увидел, что стекло приоткрыто, но как- то неровно спустилось, и, видать, тоже застряло. Ручка стеклоподъёмника валялась в ногах у водителя.

- От так, Миха! И мы кое-что могём - не только военные! – улыбаясь какой-то усталой неестественной улыбкой, одними губами, без участия глаз, сказал, выпуская очередную струйку дыма, мужчина:

- А ты молодца, не сдрейфил… И дверь вовремя закрыл. Молодца!

Мишке было стыдно признаться, что он не только не сдрейфил, но и не помнил, как машина забралась на подъём. Он просто промолчал, шарясь в карманах, как будто что-то потерял. К его удивлению в кармане обнаружились две карамельки:

- Во! – Мишка вытащил карамельки из мокрого кармана и на ладошке протянул их водителю.

-Эх, водочки б, - вырвалось у шофёра. Он выбросил недокуренную папироску и взял конфету двумя большущими пальцами правой руки, царапнув при этом Мишкину ладошку чёрными ногтями. Зубами развернул прилипшую размокшую бумажную обёртку и с нескрываемым удовольствием принялся с причмоком сосать конфету.

Уже засовывая карамельку в рот, так и не ободрав с неё весь фантик (уж больно прилип), Мишка вспомнил, откуда у него эти карамельки - тётя Шура, добрая душа, сунула их ему в руку перед тем, как он побежал на остановку. А у самой два маленьких сына. Хорошая тётя Шура, добрая… И водитель хороший!

Дождь отмыл машину, и она теперь выглядела намного лучше, чем при их первом знакомстве. Водитель почистил своё окно, передал тряпку Мишке, чтобы тот почистил своё. Ещё раз подёргал ручку стеклоподъёмника со стороны пассажирского сидения, сплюнул на дорогу:

- Ладно, поехали помалёху, теперь уж недалеко. Доберёмся как-нибудь…

6.

Воет машина, юзит туда-сюда, как танец танцует, но идёт теперь уже более ходко. Равнина. Да и Мишке не страшно с таким водителем. Этот не подкачает - надёжный дядька.

- Ты бы мне чё рассказал, Миха, аль соврал. А то ведь засну, глаз липнет…

- А что рассказать-то, дяденька?!

- А хоть что. Говори, да и всё, а я слухать буду, так и не засну.

Устал водитель. И плечи опустились, и голова сильнее обычного болтается на ухабинах, и глаза закрываются надолго, лишь руки крепко держат руль…

- А у нас в этом году зимой снега навалило, так что весь первый этаж накрыло. Я на втором живу, так мы с балкона в сугроб прыгали. Тут Мишка явно слукавил, прыгал он, и ещё один парень, на спор с крыши пятого этажа, да вот только страшно об этом кому-то говорить, а вдруг родители узнают, ох, и не поздоровится тогда ему, ведь тогда, если бы не случайный прохожий, что увидел его полёт в сугроб, кто знает, чем бы это всё закончилось.

Он то прыгнул, а друг – нет. Мишка тогда провалился в сугроб с головой и понял, что ни рукой, ни ногой пошевелить не может. Получилось только сильно икнуть и чуть повернуть голову, и тут же в рот ему набился сыпучий снег. Он уже начал задыхаться, когда услышал, что его, страшно ругаясь нехорошими словами, кто-то откапывает со стороны уже очищенной дворником бетонной узенькой дорожки, плотно прижавшийся к пятиэтажке.

- Эк невидаль, снега намело… Вот у нас энту зиму снег избы-то по самые трубы накрыл, только дымки ото всей деревни-то и видать было.

- Ври, дядька?!

- Верно говорю… Только дымки. Ну, а печник Сашка (шуплянький такой мужичишка, маленький, навроде тебя, чуток больше), откопался с утра, значит, да на лыжи-то и встал. И к своей зазнобе Василисе, значится, на окраину села-то и пошёл. По трубам избу-то её посшытал, (а она у неё третья от лесу стоит), махонькая такая. А печь хорошая, сам Сашка её и клал. Труба большая, пролезть можно… А Василиса - баба справная, высокая, хозяйство большое ведёт. Муж у неё по пьянке-то в бане угорел, так она одна с тех пор и живёт. А Сашка ей как раз под мышку-то и будет… Что она в нём нашла, только ей и известно?.. Н-да…

Водитель замолчал, как бы размышляя, стоит ли мальчонке рассказывать эту историю…

Мишка глянул, а у шофёра глаза закрытые, дёрнул его за рукав:

- А дальше-то что, дяденька?

- А что дальше, - открыв глаза и немного проморгавшись, продолжает водитель. - Сашка свои печи хорошо знает, они с прямоходом. Лыжи в снег воткнул, и в трубу-то шасть… Да застрял. Трубой-то обшибся, значит. У Василисы избу-то с трубой тадысь занесло, а это он к Стешке, значит, попал. Она рядом живёт.

А у Стешки днём раньше мужик с города, с заработков вернулся, и Стёха-то, поутру блины и затеяла. Дрова разжигает, а те не горят - труба-то не тянет. Дым в кухню так и валит. А свет-то у нас по субботам и воскресениям, бывает, и отключают, вот и тогда лектричества не было. Н-да…

Ставни закрыты, снегом завалило, на двор не выйти. Вот она свечу-то и зажгла, да мужика-то сваво с постели подымает, мол, пошуруди в трубе - не тянет, должно быть снегом завалило. Он спросонок-то, не одеваясь, в портках одних, ухватом с длинной ручкой в трубу то и тыкнул… А оттуда в печь, значит, два пима и упали. Он к Стёхе: - Ты чё ж, пимы-то в трубе сушишь, дурёха, угорим же?!

А у Стёхи-то глаза на лоб полезли: - Не наши это пимы-то, - говорит она. - А чьи же? - спрашыват Пётр. Пётр - это Стешкин муж, значит,- поясняет водитель Мишке.

- Тут чёй-то возьми, да впечку-то и грохнись, только копоть повалила. А из копоти - морда кучерявая, да с глазами светящымися. Ну, да… Это Сашка из ватника выпростался, и значит, в трубу-то и провалился. Стёха-то, сперепугу в сенцы бросилась: – Чёрт! – орёт. - Бес печной!..

А Сашка-то за ней в сенцы, он, тадысь, в трубе задохнулся, кашляет, пить хочет, и сразу к кадушке. Стешка-то увидала, что чёрт из кадушки пьёт - и в обморок, биться о пол стала…

А Пётр-то до этого за четушечкой в погреб спускался, да так на притворе крышку погреба-то и оставил. А тут, когда голова-то из печи появилась, он возьми, да шаг назад и сделай, так все ступеньки-то и сосшчытал. А погреб у Петра – царский, глубокий, камнем выложен… Головой малёхо стукнулся, лежит… Думает, подниматься надо, Стёха-то больно вопит, на помощь зовёт.

А свеча у них на кухне к тому времени погасла почему-то, вот они в темноте-то все и шарятся. Пётр поднимается по ступенькам, голову уже высунул. А Сашка-то напужался Стешкиных воплей (дурно бабе) и со страху на кухоньку-то шасть, да и зацепи притолоку-то в темноте. А крышка-то у погреба тяжёлая, из толстых досок сделана, она возьми, да со всего маху

Петра по голове-то и вдарь. И он по второму разу ступеньки сшчытать начал. Ну, и плохо ему сделалось. – Ох, - кричит, - убили….

Сашка тут совсем сдрейфил и в трубу-то снова нырь, и по ней наверх. Он могёт такие вещщы делать-то… И босиком, значит, по снегу к себе. А Стёха-то услыхала мужнин голос, да ползком, ползком, крышку-то открывать, да на притолок ставить.

А тут наш кузнец на лыжах-то в кузню ехал, значит. Смотрит, лыжины у трубы стоят, а никого рядом-то и нет, только следы чьи-то: не то от трубы, не то к трубе… А голос у него зычный (когда на гулянке поёт, аж стёкла дребезжат в избе), вот он возьми, да и крикни в трубу: - Есть кто живой?

А Стёхе-то почудилось из печи: - Есть чёрт живой… Она-то с перепугу на задницу так и села, да притолоку рукой в энтот момент и сбила. Ну и Петра, значится, в третий раз по голове приложило. Тот падать стал, и дико ругаться. Н-да…

А у них кошка любила на телевизоре сидеть. А телевизор на таких модных городских жиденьких ножках стоял, значится. Кошка-то у них тяжёлая, крупная така, от дикого крика Петра, на шторину-то сиганула, а телевтизор-то опрокинулся и на кинескоп возьми да и упади. Да… И как выстрелит, значит. Тут Стёха замертво на погребок-то и легла. Кузнец услышал, что в избе-то стреляют, да к участковому и побежал. С ним уж их и откапывали.

А Стёха-то потом рассказывала, мол, лежит это она в гробу (ну ей так привиделось), а в гроб-то с одной стороны стучат, и говорят: - Пусти, Стёха, замёрз ведь я, портки одни на мне, хозяйств-то поморожу, а с другой воем воют: - Я Чёрт живой, Сатана печной,- а она чуть в себя придёт, да и снова в обморок. Так её участковый-то с кузнецом и нашли. Н-да… Чуть не помешалась баба-то. А вечёр они все к Сашке подались, (по лыжам узнали), а тот пьяный с помороженными ногами на печи, и в полной несознанке, значится. Одно только и твердит: - Спьяну на двор пошёл до ветру, да упал и заснул, поморозился... Так они от него в тот день ничего и не добились. Только кликать мы его с той поры стали Сашка-Чёрт печной. Мож врут, конечно... Но вроде как так и было…

Ещё минут пять едут совсем молча.

Мишка думает: - И чего это Сашка в трубу полез, дурак, наверное?

Водитель: – Ещё чуток, парнишку высажу, а там как без попутчика? Ещё пятнадцать километров, не уснуть бы…

Вот и знакомые берёзовые рощи.

Шофёр останавливает машину:

- С тракта съезжать не буду - боюсь застрять. Тут с пару километров будет, дойдёшь, а?!

- Дойду, дяденька. Я здесь все околки знаю.

- Ну, тогда давай прощаться,- улыбается водитель и тянет Мишке огромную руку. Мишка старается жать её, как можно крепче!

Распогодилось.

Солнце хоть и вечернее, а греет славно. Ветер разогнал тучи, да и сам затих.

А на дачах скоро ужин. Мишка скидывает мокрую грязную обувь и идёт босиком по обочине дороге, по мягкому, сочному клеверу.

Душа поёт – лето!..

Глава четвёртая

ТРОСТОЧКА

Даже в хорошую погоду на тракте, что ведёт от Борового к Береговому, машина редкость, а уж после дождя, когда дорога раскисает и на ней образуются целые озёра луж, машин вообще может не быть часами.

Вот и сейчас ушла машина, и наступила непривычная для городского жителя тишина. Лишь лёгкий шорох листьев на деревьях, да пение птиц, да шлёпающие босые ноги…

1.

Мишка, уже спустившись с тракта в ближайший околок, остановился и ещё раз прислушался… Всё, больше не слышно машины.

А воздух после грозы пьяняще свеж. Да запахи ещё влажной травы и сырой подстилки из прошлогодней листвы щекочут нос. Ах, какие волшебные запахи, не то, что в городе! Мишка набрал полные лёгкие это аромата, задержал на мгновение и, с криком «ура-а!», побежал через березняки, что рассыпаны здесь по полям чей-то щедрой рукой.

Да, так уж получилось, что второй год подряд он ездит не в Боровое к деду, а на летние детские дачи, туда, где его мама работает шеф-поваром.

Побежал, петляя только ему одному ведомой тропинкой, что легла в память ещё прошлым летом, да там и осталась. Скорее! Вот уже и обрывки музыки, что звучат в репродукторах, доносятся ветром. Уже близко!

Через служебный вход он первым делом прошёл к одноэтажному зданию из типовых железобетонных блоков, где обычно со своей матерью и младшим братом живёт на дачах его друг Сашка.

Все двери комнат выходят прямо на улицу, а само здание отгорожено от территории дачи невысоким свежевыкрашенным деревянным забором. Здесь ещё строители не совсем прибрались: видны деревянные козлы с пролитой на них известью розового цвета, вёдра из-под краски, в которые натекла дождевая вода, кисти на длинных палках, мастерки и другие строительно-малярные принадлежности.

Комната, где обычно живёт Сашка, закрыта. И тогда Мишка, уже неторопливо осматриваясь, направляется по ещё не натоптанной дорожке к кухне.

- Миша! Машина-то пришла?! - окликнула его тётя Валя, что убирается обычно в столовой.

- Не-а, – не останавливаясь, отвечает Мишка.

- А ты как добрался-то?

- А я сам, на попутках! – Мишка гордится - это его первое в жизни самостоятельное путешествие, и теперь ему ничего не страшно.

А уже на кухне его ждёт и первое разочарование лета: повар тётя Таня сказала, что они буквально на пятнадцать минут разминулись с матерью. Машина с продуктами так и не пришла, и заведующая отправила его мать на машине с соседней дачи в город, чтобы разобраться, в чём там дело. Связи с Новосибирском почему-то в этот день тоже не было. Наверное, прошедшая гроза оборвала провода.

Мишка вкратце рассказал тёте Тане, что случилось с их продуктовой машиной, и как он добирался до дачи на попутках. Тётя Таня усадила его в подсобке за столик, принесла большую тарелку наваристого борща со сметаной. О-о-о! Борщ Мишка сильно уважал, и поэтому его ложка буквально летала от тарелки ко рту.

- Да не спеши ты, Миша! - улыбается тётя Таня. Экзамены-то по музыке сдал?

Мишка кивает головой. Именно из-за этого вчерашнего экзамена в консерватории он и не смог поехать вместе со всеми на автобусах.

- И какая же отметка? – интересуется тётя Таня.

Мишка откладывает кусок хлеба, что в левой руке, а ложку из правой так и не выпускает, раскрывает всю пятерню!

- Молодец! – улыбается тётя Таня, вручая ему ключ от комнаты. - А теперь ступай, переоденься. И можешь немного погулять, если хочешь, но недалеко от кухни, А лучше ложись-ка ты спать, вон как устал, - говорит она, слегка подталкивая его к выходу. – Да, друганы твои с Борового уже второй день с утра околачиваются у ворот. Коля записку тебе оставил, мать на тумбочку положила, - уже вслед уходящему Мишке говорит тётя Таня.

Он действительно намотался сегодня за дорогу и потому сначала медленно поднимался по крутой металлической лестнице, что прикреплена прямо к южной стене двухэтажного панельного строения кухни, но услышав про записку, от радости подпрыгнул на месте и уже буквально взлетал по ступенькам вверх.

Здесь на втором этаже, прямо над кухней – комнаты персонала. Вставил ключ в замочную свежину, быстро повернул, рванул дверь на себя и бросился к своей тумбочке.

2.

Как и в прошлом году, им с матерью отвели угловую комнату. В комнате одна большая кровать для матери, а вторая поменьше – для него. Ещё в комнате пара тумбочек, выкрашенных светло-голубой краской, что ещё сильно пахнет, и старенький, качающийся на металлических ножках, столик. Мишкина кровать стоит ближе к окну, застелена свежим бельём, а вот на кровати матери ещё свёрнутый матрац и стопка спальных принадлежностей. Под кроватью - два чемодана. Тот, что поменьше - его. Вот и всё.

В записке всего несколько слов:

- Привет, Миша. Пишут тебе твои друзья, братья Коля и Витя. Заходили к деду, сказал, что ты едешь опять на дачи, а не к нам. А у нас дело есть новое, надо бы вместе его обсудить. Ждём тебя в гости, так как сами уже прийти больше не сможем, уезжаем с отцом на покос. Ходи ты до нас. Ждём. Братья Коля и Витя.

Мишка быстро спустился на улицу, нарезал два круга по всей дачи, не забыв заглянуть в самые укромные её места. Зыко! Трава везде ещё свежая – сочно-зелёная, тропинок совсем мало и те, что уже натоптаны и то еле заметны! Посидел на скамейки рядом с кухней, весело болтая ногами и только когда начали сгущаться сумерки – вернулся к себе в комнату:

- Дело! Какое дело? - думает Мишка, уже укладываясь в постель и натягивая на себя чуть влажное одеяло. Засыпает не сразу, хотя сегодняшнее путешествие отобрало у него много сил.

В этой комнате он в одиночку ложится спать впервые и поэтому ему немножко тревожно. Комната лишь слегка освещена светом фонаря, висящего на высоком бетонном столбе, что напротив кухни. Фонарь качается на ветру, поскрипывает, и этот скрип, что сначала тревожил Мишку, начинает постепенно убаюкивать его, и глаза сами закрываются.

Ему хотелось, чтобы вот ещё сегодня вернулась мать, и он больше бы не ложился спать в одиночестве. А ещё ему хотелось, чтобы поскорее настало утро, и тогда они встретятся со своим другом Сашкой, который должен подъехать с отцом на красивом красном четыреста третьем «Москвиче». И они вместе придумают, как им интересно провести первый день пребывания на дачах … Что-нибудь да придумают (это точно) …, Например, пойдут в сосновый бор и…

И Мишка уснул.

3.

Вот незадача – группы детей уже идут на завтрак! Мишка проспал своё первое утро на дачах! Бегом, надо навёрстывать упущенное время - умываться и на завтрак.

Чтобы умыться, надо обежать синее деревянное здание, примыкающее к крупнопанельному, выкрашенному в розовый цвет, корпусу кухни. Это большущая одноэтажная столовая. За ней дорожка из бетонных блоков. А дальше нелепое кирпичное строение так называемой летней кухни. Здесь готовят на большой печи, отапливаемой дровами и углём, только в том случае, когда на дачах нет электричества, а такое всё же время от времени случается. Вот за этой кирпичной постройкой и находится большой рукомойник со сливом и два стоящих отдельно умывальника. Холодная вода быстро сгоняет остатки сна. Теперь бегом в столовую, а затем к Сашке.

Уже на входе в столовую он столкнулся с матерью Сашки и узнал, что тот приедет только через три-четыре дня.

А сразу после завтрака на выходе из столовой его остановили девчонки:

- Ты знаешь, что мы сегодня после обеда начинаем репетицию кукольного спектакля на театральной полянке?! – как-то уж очень повелительно начала Светка, дочь медсестры. - И ты должен нам подыграть на баяне, - продолжает она тем же уверенным тоном.

- Что я тебе должен?! - Мишка сводит брови, сжимает кулаки и старается выглядеть как можно более суровым.

- Ты чего? – теряет сразу всю уверенность Светка. - А Мишка дерётся! - кричит она, отбегая к стоящим невдалеке от входа в столовую девчонкам.

- Миша! Только приехал и уже девак наших забижаешь, - говорит напыщенно строгим голосом проходящая мимо и улыбающаяся тётя Валя.

- Да не трогаю я девчонок. Была охота связываться! – оправдывается Мишка.

В это время от группы девочек отделяется та, что в синем ситцевом платье с мелкими белыми горошинами, и направляется к нему:

- Миша, подожди!..

Там, в столовой, она сидела к нему спиной и так же весело вместе со всеми остальными девчонками хихикала, и её две чёрненьких косички с белоснежными бантиками смешно подпрыгивали на плечах.

Он узнал Ольгу, дочь заведующей детским садом. Как она изменилась с прошлого года. Подросла. Ноги из тонких спичек превратились в нечто завораживающее Мишку. И грудь у неё уже немножко видна, не то, что у Светки. И глаза у неё… Ах, эти глаза, что смотрят на него сейчас с улыбкой и нескрываемым интересом:

- Миша, мы с девочками хотели тебя попросить поиграть нам на баяне, а мы будем делать кукольное представление для детей. Ты сможешь?!

- Оля, а баян ещё не привезли, - отвечает Мишка и не понимает, что это он вдруг стал таким сдержанным и обходительным… И внутри груди у него вдруг что-то забилось и так взволновало, что даже голос дрогнул… С ним такого ещё ни разу не случалось…

- Так, может, ты вместе с нами примешь участие в спектакле? - продолжает Ольга, улыбаясь и сверкая чёрными глазами.

- Ладно, но после обеда. А сейчас у меня дела,- и Мишка, покраснев, стремительно убегает…

А уже через час Мишку арестуют и приведут на дачи под конвоем…

4.

Не думал Мишка так скучно в одиночестве начинать лето.

Уже на выходе из столовой он решил, что раздобудет нож, пойдёт в сосновый бор на то место, где в прошлом году они с мальчишками строили простенький шалаш. Там, недалеко от

дорожки лесника, целые заросли соснового молодняка. Из него старшие ребята, что живут на дачах отдельной компанией, вырезали замечательные узорчатые тросточки. О, это идея! Он тоже сейчас сделает такую.

- Тётя Таня, мне ножик надо! – кричит он в дверной проём кухни, закрытый металлической сеткой от мух.

Появляется тётя Таня:

- Ты уже позавтракал?

- Да…

- Куда собрался-то?

- Я в бор!

Тётя Таня выносит небольшой нож, с чёрным лезвием и белой полоской свежей заточки, с жёлтой деревянной ручкой, вытирая его на ходу о фартук, спрашивает:

- Что удумал-то?

- А, после покажу! - быстро беря нож, разворачивается, чтобы бежать, Мишка.

- Ты осторожнее, он острый! – слышит он вослед.

- Да знаю я! - уже на бегу отвечает Мишка.

Вот он – могучий сосновый бор! Здесь прохладно даже в самую жаркую погоду. Здесь тенисто даже в ясный солнечный день, когда на небе нет ни тучки, а именно такой сегодня день. Здесь дурманящий запах хвои и подорожника, лесных цветов и папоротника. Здесь корабельные сосны высоко-высоко уходят в небо и машут своими кисточками по голубому холсту.

Вот он и молодняк, что начинается прямо у Зелёной дороги, пересекающей весь лес. И паутина уже появилась местами!..

Мишка долго выбирает невысокую сосенку – постройнее и потоньше, чтобы сучков на ней было поменьше, а прогоны между ними подлиннее. Наконец подходящая маленькая красавица выбрана, и он начинает ножом аккуратно срезать её возле самого корня.

В тот момент, когда он уже обрезал последнюю ветку со ствола будущей тросточки, сзади на плечо ему легла чья-то тяжёлая рука…

Мишка вздрогнул от этой неожиданности и с криком выронил нож и заготовку…

5.

- А-а-а! – кричит Мишка, оборачиваясь и уже думая, как он сейчас сиганёт в заросли молоденьких сосенок, а там его вряд ли кто поймает.

- Значит, первый день на дачах, и уже портишь лес?! Уже безобразничаешь? – высокий, крепкий мужчина средних лет, с лёгкой серебристой щетиной на лице, в форменной фуражке с кокардой, с ружьём за спиной сердито смотрел на Мишку из-под почти сросшихся бровей и крепко сжимал его плечо. - А то, что вырубка леса запрещена, ты, значит, не знаешь?

Мишка знал, что нельзя трогать молодые сосёнки, им об этом не раз говорили на даче взрослые. Но при этом, если вдруг у старших ребят появлялись красивые резные трости, никто никого не ругал. Правда, они и не попадались… А вот он пошёл в первый раз и сразу попался.

- Угу... - опуская голову, кивает Мишка.

- Значит, знал, но сосенку все же срезал? – ещё суровее становится лесник.

Мишка кивает.

- Бери сосенку, а ножик я сам подберу, - нагибается лесник и поднимает нож из травы. - Это улика. А теперь ступай впереди меня - будешь ты арестованным. Да не беги, а то ружьё-то у меня на плече видел?!

Тяжёлый у мужчины говорок, низкий, с хрипотцой, аж к земле придавливает, и с ног вся сила куда-то уходит, да дрожь появляется.

Конечно же, Мишка испугался лесника (а то, что это лесник у него даже сомнения не возникало, хотя он раньше его никогда и не видел), но ещё больше его волновало то, что у него отнимут этот острый ножик и такую великолепную заготовку для тросточки.

Мишке было страшно и то, что вот сейчас его матери этот дядька будет жаловаться, а потом ещё и оштрафует её, а потом достанется и ему… Похоже, сильно достанется… Так, надо готовиться к худшему. Хорошенькое начало лета!..

Но, пожалуй, больше всего его пугало и расстраивало одновременно другое, а именно: что его репутация неуловимого, быстрого, ловкого и удачливого пацана сегодня, вот так, в одно мгновение не за понюх табака, рухнет. Сбежать?! Да запросто! Но так поступают трусы.

Сунув тросточку под мышку, Мишка заложил руки за спину... Именно так по его представлению должны были идти захваченные врагами герои... И он шёл впереди лесника, даже не оглядываясь на могучего дядьку. Нет, пощады просить он не будет...

Чем ближе к даче, тем у Мишки всё меньше и меньше уверенности в том, что он герой… И уже открыв калитку на дачи, он оборачивается и с молящим взглядом обращается к леснику:

- Дяденька, я больше так не буду!

- Конечно, не будешь, ты ж арестован. Веди к мамке! Где она работает?

- На кухне, - уже совсем тихо и безнадёжно шепчет Мишка. Вот влип…

Мишку со скрещёнными за спиной руками ведут по большой поляне, что перед парадной дверью кухни. Он озирается. Его несколько утешает то, что этого позорного шествия никто не видит - дачи пустые, детей, видимо, увели на прогулку.

В этот момент на кухонном крылечке появляется тётя Таня, спускается с него и идёт им на встречу.

- Что сейчас будет?! - с какой-то невиданной доселе обречённостью думает Мишка.

- Ваш что ли? – останавливается лесничий напротив тёти Тани. Та, по привычке вытерев руки о фартук, убирает их за спину:

- Мой! Натворил, небось, чего?

У Мишки от этого «мой» аж глаза на лоб полезли!

- Вот, - показывает лесничий нож и передаёт его тёте Тане. - Вот этим он срезал только что молодую сосенку, - и лесник вынимает у Мишки из подмышки заготовку для тросточки и тут же обращается к нему:

- Так ведь было?

- Да, так, - Мишка и не собирался отпираться, нет у него ничего в своё оправдание – виновен и точка. Он готов понести заслуженное наказание, хотя, по правде сказать, немного трусит.

- А тебе не говорили, что такого делать нельзя? – строжится лесничий.

- Говорили, - тихо отвечает Мишка, не поднимая головы.

- А знаешь, что за это штраф полагается?!

- Знаю, - ещё тише, одними губами шепчет Мишка.

- Не слышу? – сердится лесник.

- Ты бы не пугал малого, Степаныч. Как молочка попить, так ты к нам на кухню захаживаешь, а малого-то под ружьём на дачу вести не совестно?! - она берёт Мишку за руку и прячет его себе за спину. И Мишка видит, что тётя Таня ни капли не боится этого дяденьки.

- А нож-то у него откуда? Где нож-то?! – растерянно спрашивает лесник, не ожидавший такого поворота событий.

- И с ножом разберёмся, - уклончиво отвечает тётя Таня, но ножа Мишка у неё не видит. Нож исчез! И глаза Мишкины раскрываются ещё больше – вот это фокус!

- И наказать бы надобно, чтобы больше неповадно было, - уже не так уверенно рокочет голос лесника.

- И накажем! – смело отвечает тётя Таня. - Вот сейчас и накажем. Ты тросточку-то отдай малому. Она тебе вроде как ни к чему? Молочка будешь, Степаныч? – уже более примирительно и с неотразимой улыбкой на лице обращается тётя Таня к леснику. Тот протягивает Мишке тросточку и послушно идёт вслед за тётей Таней на кухню, на ходу оборачиваясь и грозя Мишке длинным, не выпрямляющимся указательным пальцем.

И всё?!

Мишка, конечно же, верит в чудеса, но чтобы вот так просто выйти из такой ситуации. Нет, это ещё не всё…

Он садится на скамейку, что напротив входа на кухню и пристально смотрит на двери…

- Сейчас они всё расскажут заведующей и та…

- А потом приедет мать, и та…

- А потом его отправят с дач и там…

- А потом…

А потом вышел чуть качающийся Степаныч, ещё раз погрозил Мишке пальцем и не совсем уверенной походкой направился к выходу с территории дачи.

Тётя Таня подошла к Мишке и присела с ним рядом на скамеечку:

- Сильно испугался?

- Не очень, - пытается оправдаться Мишка.

- А бледный-то какой был. - улыбнулась она. - Так - бояться перестали! Мамке мы, конечно же… (делает длинную театральную паузу, глядя Мишке в глаза) ничего не скажем. А больше никто и не видел (осматривается она вокруг). Значит, и не было ничего. Только впредь уж не попадайся! А то стыдно мне за тебя, вроде шустрый парень, а бегать-то, оказывается, и не умеешь?! – смотрит тётя Таня хитро на Мишку.

- Нож бери и топай вон туда на задний двор, чтобы никто тебя не видел. Там тросточку режь… Потом покажешь, ладно? - уже совсем весело говорит тётя Таня, протягивая Мишке тот же нож с жёлтой ручкой.

- Дело-то обязательно доделать надо, если дело, конечно, хорошее! А плохих дел и зачинать не стоит. А нож-то верни на кухню, как закончишь!

- А что, мамы ещё нет? – вскакивает повеселевший Мишка.

- Да нет, что-то задерживается наша машина, - и лицо тёти Тани становится задумчивым. - Сами ждём. Беги, - она быстро поднимается и идёт на кухню, не оглядываясь.

6.

Мишка видел, как ближе к обеду в ворота дачи въехала та же злополучная продуктовая машина, что вчера не смогла выбраться даже из города. Видел и мать, сидевшую сегодня в кабине рядом с водителем. Видел и Жеку (упитанного шустрого мальчишку, годом младше его, с которым они подружились в прошлом году здесь же на дачах), стоящего в чёрной кепке в кузове. Но встречать он в этот раз машину не побежал. Ему было сильно совестно за свой сегодняшний проступок – это раз. А ещё он очень хотел сделать тросточку, такую же красивую, как делает Генка, что вожаком у старших ребят.

Ах, этот Генка! Вот уж кто действительно мастер на все руки. И Мишка старательно режет узоры, что видел в прошлом году у Генки. А ещё он придумает сейчас свой узор, такой, какой ещё даже Генка не делал… Вот только какой?.. О! Генка никогда не вырезал звёздочек, говорил ребятам, что мороки с ними много, а вида они вроде как и не имеют. Мишка оставляет нетронутым поле посередине тросточки, довольно быстро нарезает на конце двойную змейку, вытаскивая и отбрасывая в сторону ненужную мягкую кожуру молодой сосенки. Руки его уже липкие от сока и свежей смолы, что выделяет тонкий пахучий, ещё гибкий ствол, но теперь он уже точно знает, как будет выглядеть тросточка, и что на ней будут за узоры.

Оставленное ранее поле он разделяет пополам, по длине трости, делая два надреза острым кончиком ножа, потом так же быстро наносит остриём лезвия линии двойного ромба, а в образовавшейся середине - вырезает маленькую пятиконечную звездочку.

К нему подходит Жека.

- Привет, Миш! А что ты один? Саня где?

Мишка так увлёкся резьбой, что не заметил появления Жеки. От этого неожиданного «привет» нож у него срывается с узора и попадает прямо в указательный палец левой руки, делая глубокий надрез, из которого выступает кровь.

Мишка моментально зажимает пораненное место большим пальцем. Он знает, что если прижать сразу, то кровь можно быстро остановить.

- Я сейчас! - срывается Жека и уже через пару минут возвращается с охапкой подорожника.

- Надо только послюнявить лист и приложить слюною на ранку, - говорит Жека. - Так старшие ребята делали, я видел.

- Привет, Жека, - протягивает Мишка руку, чтобы поздороваться, но вместо рукопожатия в руке у него оказывается пучок подорожника.

- Ты давай сам, а я это… – и Жека отходит чуть в сторонку, боязливо посматривая, как Мишка будет лечить ранку.

Кровь удалось остановить довольно быстро. Мишка так и доделывал трость, с подорожником, прижатым большим пальцем к порезу.

Жеке надоело стоять, и он садится рядом с Мишкой, внимательно наблюдает за тем, как тот заканчивает работу, прорабатывая мелочи, и комментирует:

- Этот узор я у Генки видел, этот тоже. О, звёздочка, покаж! Это ты сам придумал?

Мишка отдаёт уже готовую тросточку Жеке. И пока Жека разглядывает узоры, приоткрывает подорожник, смотрит на ранку и понимает, что медпункта ему сегодня всё же не миновать:

- Жека, ты посиди здесь, я сейчас мигом.

- Ты только недолго, Миш, а то тётка сказала, как только поздороваешься, вернуться надо - помочь ей вещи разбирать! - кричит Жека.

- Интересный парень - Жека. Его и старшие ребята берут с собой, и с маленькими он быстро находит общий язык, и с девчонками дружит, и даже в куклы с ними иногда играет. Ко всем ему удаётся найти подход... Добрый он, - думает Мишка, уже сидя на стуле в медпункте, пока медсестра готовит бинты и ещё какие-то склянки.

- Вот только живёт почему-то с тёткой. А мать, что приезжала к нему один раз в прошлом году, была пьяная, и в какой-то мятой, старой одежде.

Мишка ещё не видел столь неопрятно одетых женщин. А ещё от неё как-то странно пахло. Мишка вообще запахи хорошо запоминает, и этот запах ему тоже врезался надолго.

- Ой!- вскрикивает Мишка, когда медсестра касается тампоном ваты, с холодным раствором какой-то жидкости, раненого пальца.

- Терпи, солдат, - успокаивает его Вера Григорьевна, перевязывая палец белоснежным бинтом. - Где это ты так?

- А, там,- неопределённо машет Мишка правой рукой.

- Завтра утром приди на перевязку.

-Хорошо, Вера Григорьевна!

- И до завтра бинт не снимай, - кричит она вслед уже исчезающему за дверями медпункта Мишке.

На обеде Мишка рассказал Жеке о предложении девчонок, и они договорились, что вместе примут участие в представлении на театральной полянке, но сначала разведают обстановку и понаблюдают за происходящим из-за ближайших кустов.

Сказано – сделано…

Глава пятая

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПОЛЯНКА

Сосновый бор протянулся на добрых пять километров по берегу Обского моря и лишь с виду кажется однородным массивом, а на самом деле здесь много замечательных солнечных полянок.

На одной из них берёзы образовали небольшое кольцо, по середине которого расположились три пологих холма и неглубокая ложбина с ровным покрывалом из травы и цветов – этакая светлая сказка в тёмном лесу.

Вот эту-то полянку на даче и прозвали – Театральной.

1.

На Театральную полянку, как и было условлено, мальчишки пришли вместе сразу после обеда, когда группы отдыхающих на даче детей (мальчишки называли их между собой «детсадниками») уже уложили на дневной сон.

Какое-то время Мишка и Жека прятались в зарослях шиповника и наблюдали за происходящим со стороны.

- Мне вчера тётка вечером рассказала, что на кухню лесничий приходил и про клад говорил, - тихо шепчет Жека, лёжа рядом с Мишкой за кустами, из-за которых очень удобно вести наблюдение за всей полянкой.

- Что за клад? – насторожился Мишка.

- А там какие-то старые вещи, я не понял, - чуть громче говорит Жека и приподнимается.

- Тише ты, и не поднимайся, увидят! – сердится Мишка и дёргает его за рукав.

- Комары жрут! – отбивается Жека от наседающих комаров и снова ложится.

- Кто клад нашёл? – спрашивает Мишка.

- Да никто не нашёл, а ищут. Деревенские пацаны,

говорят, весь лес ископали. Наверное, твои друганы, - снова переходит на громкий шёпот Жека.

- Почему мои? Что, в деревне других мальчишек нет? – возражает Мишка и показывает Жеке палец, приложенный ко рту. – Ц-с-с-с…

Мишка два года подряд отдыхал на летних каникулах у деда в деревне Боровое и подружился там с компанией деревенских мальчишек. Но вот уже второй год Мишка ездит с матерью на дачи. Правда, дружба с деревенскими не закончилась, и те время от времени навещают его, приходя к парадным воротам дачи.

- Что ещё тётка рассказывала? - спросил Мишка.

- Ещё она рассказывала, что ты вчера успел уже чего-то натворить, но я так и не понял, заснул. А что ты натворил? – шепчет Жека, почти касаясь Мишкиного уха.

- Да ничего я не натворил, - недовольно морщится Мишка. - Так, в лес ходил.

- Ну да… Так я тебе и поверил, что бы ты без дела в лес ходил. Тоже, наверное, клад искал, - удивляется Жека.

- Да какой клад, Жека. Мы в прошлом году весь бор облазали вдоль и поперёк - нет здесь ничего, кроме ягод и грибов.

- Скажешь тоже - нет. А чего тогда деревенские копают? – возражает Жека.

- Так, играются, наверное, - тихо отвечает Мишка и тоже сгоняет стайку комаров, облепивших лицо и руки.

В конце концов им надоела бесполезная борьба с комарами, и они спустились в пологий ложок.

В жаркий день здесь не так душно, хотя и солнечно. Берёзовый пятачок расположился недалеко от дач и сплошь окружён высокими соснами.

В это же время со стороны дач появилась Ксения Ефремовна, заведующая детским садом. В руках у неё большая серая коробка, из которой торчат ноги и руки кукольных персонажей.

- Так, всем праздношатающимся собраться сюда! – говорит, улыбаясь, Ксения Ефремовна. - Давайте-ка сценарий читать будем.

Она передаёт три большие, но не толстые, книжки с картинками двум Светланам - так между собой мальчишки прозвали Светлану Алексеевну, и Светлану Викторовну, что живут в одной комнате в одноэтажном корпусе для персонала дачи, и те, быстро листая, начинают выбирать сказку для представления.

- До вечера успеете? - спрашивает Ксения Ефремовна у Светлан.

- Мы постараемся, – отвечают те почти хором. Они вообще похожи друг на друга, как близняшки.

Заведующая обходит полянку, осматривая её внимательно. Ненадолго останавливается в стороне, наблюдая за происходящим и, как-то незаметно для остальных, исчезает. Остаются только две Светланки, девчонки, да Мишка с Жекой. В общем – своя компания.

Девчонки достают из коробки кукол и, отряхнув их от пыли, аккуратно раскладывают длинным рядком на траве.

2.

Какой сценарий не выберут Светланки, а полного набора кукол к нему нет. Что делать?! Свой сценарий писать надо, а времени-то уж и нет.

- А давайте представление без слов разыграем, - предлагает Мишка. - Вот вы, Светлана Алексеевна, и вы, Светлана Викторовна, будете сказительницами. Вы первые выйдите к детям и представитесь: «Жили-были в одном лесу две сказительницы: Василиса Первая и Василиса Вторая,» и потом немного поспорите, кто из вас Первая, а кто Вторая.

А ты Оля будешь Царевной - Красной Девицей, которую заколдует злая Баба Яга и превратит в Берёзку. Светка будет Бабой Ягой…

Тут Мишка впервые подумал, что на поляне сразу три Светланы, чудно!..

- Ага, чуть что и я сразу Баба Яга! Я так не играю! - отходит в сторону Светка.

- Подожди, Светлана, дай послушать! - говорит Светлана Алексеевна. - Миш, ты продолжай…

- Ещё у нас будет Царевич - Добрый Молодец, который в конце представления поцелует заколдованную Красную Девицу и та засмеётся, и пустится в пляс.

- А Добрым Молодцем, конечно же, будешь ты? Тебе просто Ольгу хочется поцеловать! – слышен резковатый голос обиженной Светки.

И Ольга, и Мишка краснеют, переглядываясь друг с другом…

- Светлана, уймись, дай послушать, - отмахивается Светлана Викторовна.

- И что дальше, Миш? – спрашивает Ольга.

- А дальше у нас ещё будет Злой Дух Соснового Леса, которого Баба Яга оставит сторожить Царевну, и с ними-то и будет воевать Добрый Молодец. Я буду играть Злого Духа, а Жека - Царевича, ну – Добро-Молодца, значит.

Все роли без слов, мы будем просто делать то, что будут говорить сказительницы, и таким образом никому слова учить не надо.

- О, здорово, я Олю поцелую!- довольно улыбается Жека.

Две Светланки переглядываются, отходят в сторону, шепчутся, хихикают…

Потом возвращаются и говорят остальным, что хотя бы разок всё это надо прогнать, а уж потом разойтись и делать костюмы.

Все, немного дурачась, прогоняют импровизированный спектакль:

- И вскочил Добрый Молодец на коня, – говорит Василиса Первая.

- На кого вскочил? – переспрашивает Жека.

- На коня! - удивляется Василиса Вторая. - Ну, прыгай, значит, как будто ты едешь верхом на коне и маши палашом.

Жека только что несколько раз подпрыгнув козлом на одном месте, вдруг останавливается и, покраснев, спрашивает: - Чем я взмахнул?!

- Да сабелькой вострой, Жека! – смеётся Василиса Первая. - А ты чем подумал?

- А чем он подумал, он этим местом взмахнуть никак не может,- заливается от смеха Ольга, бросая веточки берёзы, что держала до этого на вытянутых руках.

- И хватил Злой Дух тогда Царевича дрыном по голове, - говорит Василиса Первая.

- Куда хватил?! - останавливается Жека в нерешительности.

- Жека, я тебя не больно хвачу, - смеётся Мишка.

- Ага, знаю я твоё не больно, сотрясение мозга будет!

- А что - есть чему сотрясаться?! – смеётся Баба Яга.

Ох, лучше бы Светке тогда этого не говорить, а то ведь накликала беду на себя, но это уже было позже, когда спектакль проходил на публике...

А сейчас Жека наотрез отказывается играть роль:

- Да знаю я, как Мишка хватить может. Давайте лучше я буду играть Злого Дядьку.

- А дрын-то ты поднять сможешь? – теперь уже смеются Светланки.

Худо ли бедно, но спектакль до конца прогнали, и предполагаемой публике в конце представления, взявшись дружно за руки, – поклонились. С тем и разбежались, кто куда - готовить костюмы.

3.

Полдник прошёл, и группы детей змейками стекаются на Театральную полянку, где уже много народа. На такие зрелища здесь собираются не только группы, но и весь свободный от смены персонал детских дач. Даже с соседних дач приходят.

Все располагаются небольшими компаниями вокруг места представления, образуя тем самым импровизированный амфитеатр на природе: повара отдельно, технички и нянечки отдельно, воспитательницы своей компанией. И мужчины, коих на даче немного, образуют свою группу, стоящую позади всех. На первом плане рассаживаются дети, при этом каждая группа занимает свой пятачок.

- А где же занавес, где артисты? – слышны удивлённые голоса.

За кустами, что недалеко от двух поваленных берёз, уже заканчивают приготовления артисты.

Светланки надели ситцевые платьица и кокошники, достали где-то две длинные белые косы, нарумянивают щёки помадой, смотрясь в маленькие круглые зеркальца.

Мишка для Ольги наломал берёзовых веток, часть которых она будет держать в руках, а часть девчонки обвязали вокруг неё. Сделали широкий бумажный пояс и на нём чёрные метки, как у берёзы.

Светку вымазали сажей, надели длинное, не по размеру, платье. Под него на спину закрепили горб из травы. Завязали огромный чёрный бант, сделанный из платка, так, чтобы волосы из банта торчали вверх и густо накрасили вокруг глаз чёрной тушью.

Женька пришёл в шортах и красивых парадных сандалиях. Ему соорудили бумажный шлем, а уж в него запихнули пару рубашек, чтобы в случае каких-то неожиданностей Женькина голова всё же не пострадала. На этом он настаивал особенно.

Из доски от овощного ящика Мишка наскоро выстругал грубое подобие меча. Светланки принесли ему накидку, и сейчас эту накидку пытаются закрепить у Женьки на шее в виде плаща.

Мишке и того проще: его раздели до трусов и где только возможно закрепили ветки папоротника, а на голову надели домиком колючий колпак из сосновых веток.

Труднее всего, оказалось, найти несколько дрынов - больших, полусгнивших берёзовых палок, чтобы ломались уже при взмахе и разлетались в щепу от удара деревянного меча, но нашли и такие. И они уже лежат внизу на месте предполагаемого сражения.

- А я слова все забыла, - говорит Баба Яга.

- Что ты мелешь, Света? - гордо расхаживает Жека в костюме Царевича и помахивает палашом. - Нет у тебя слов! Бегаешь, прыгаешь, изображаешь психопатку…

- Ах, да… Это я так, - и тут же обидевшись, - Светлана Алексеевна, а Женька обзывается!

4.

А Светланкам уже не до этого… В назначенное время две Светланки (а теперь это уже две Василисы), выходят и кланяются публике.

Раздаются жидкие аплодисменты.

- В одном лесу жили сразу две Василисы – Василиса Первая и Василиса Вторая, - начинают они хором.

- Чур, я буду Василисой Первой! – говорит одна.

- Нет, я буду Первой Василисой! – перечит другая.

- А я больше тебя сказок знаю!

- Нет, я! Я даже сказку про Колобка знаю: «Жили-были Дед да Бабка…»

- Дети, а вы знаете такую сказку? – спрашивает одна из Василис детей.

- Да, знаем! – кричат сразу несколько голосов.

- Вот видишь, все такую сказку знают, а давай другую?

- А какую?

- А вот такую! - говорят они вместе: - «Сказка про Берёзовую полянку»!

И действие началось…

- В одном большом Сосновом Бору…

- Очень большом!

- Не перебивай, Василиса. В большом Сосновом Бору была большая Берёзовая Поляна

- Ну, и совсем не большая, а вот как эта!

- Да, как вот эта.

- И пришла в этот лес Красна Девица собирать конфеты!

- Да не конфеты она пришла собирать, - возражает другая сказительница. - Дети, давайте подскажем Василисе, что пришла собирать Красна Девица?!

- Грибы! – кричит кто-то из зрителей.

- Вот, правильно, грибы! И всё-то ты путаешь, Василиса!

- Это я-то путаю? Это ты путаешь! Какие сейчас в лесу грибы? Нет на этой полянке грибов, зато много…

- Цветов! - хором говорят Василисы.

В это время из-за кустов выбегает Ольга в костюме Берёзки и спускается по ложбинке. Ещё мгновение и она появляется на полянке, напевая песенку:

- Собираю я цветы, нежные васильки… Собираю я цветы васильки, васильки, - рвёт цветы, растущие на поляне, и проходит в середину предполагаемой сцены.

- А тут, откуда не возьмись, налетел сильный ветер, это Баба Яга мимо пролетала! – продолжает одна из Василис.

С противоположной стороны, диковато приплясывая, появляется Баба Яга.

Зрители начинают похихикивать, а кто-то из них отпускает громкую шутку:

- А на ветер-то артиста не нашлось что ли или слова ещё учит?

- И не понравилось Бабе Яге, что Красна Девица в лесу на полянке цветы рвёт, - продолжают Василисы.

- И решила она её заколдовать...

- И превратить в пень!

- Что ты такое говоришь, Василиса! В Берёзку она её решила превратить.

Баба Яга бегает вокруг Красной Девицы и делает руками резкие, пугающие пасы. А Красна Девица в это время поднимает с травы несколько берёзовых веточек, приготовленных для неё заранее, плавными движениями руки её идут вверх, да так и замирают. Лишь концы веток чуть покачиваются на ветру.

Видно, что Баба Яга добилась своего и теперь ликует, пританцовывая…

- А чтоб никто не смог расколдовать Красну Девицу, позвала Баба Яга сторожа страшного - Злого Духа Тёмного Леса,- продолжает сказ Светлана Викторовна.

- А как позвала-то? - опешила Светлана Алексеевна, понимая, что тут они как-то нечаянно вышли из задуманного сценария.

- А так и позвала – вложила два пальца в рот, да как свистнет!

Баба Яга замерла на минутку, и смотрит недоумённо на Василис…

- Вложила это она два пальца в рот и как свиснет! - повторяет Светлана Викторовна.

Светка вкладывает в рот вымазанные пальцы рук и пытается свистнуть, но ничего у неё не получается.

- Баба Яга, а ты подпрыгни, в прыжке-то оно точно свистнется! - кричит с последнего ряда водитель.

И Светка подпрыгнула.

- Свисти, Жека! – толкает Мишка Жеку, прячась в кустах. - Свисти как можно громче.

5.

О, как пронзительно и замечательно долго свистнул Жека!

Зрители первый раз за всё представление захлопали довольно дружно. А в младшей группе кто-то заплакал, и его побежала успокаивать воспитательница.

- И явился на этот свист из зарослей дикого шиповника Злой Дух Тёмного Леса, – продолжают Василисы.

Мишка выбегает и становится перед Бабой Ягой.

- И та приказала ему стеречь Красну Девицу пуще своего глаза.

Баба Яга подпрыгивает и тычет Злому Духу прямо в глаз, да делает это взаправду, на силу Мишка увернуться успел.

- Дура! - вырвалось у него!

- И поругались тогда Злой Дух с Бабой Ягой, – подыгрывают им Василисы.

Злой Дух и Баба Яга возвращаются в роли, начинают дурачиться и бегать друг за другом вокруг Красной Девицы, что Берёзкой замерла на середине полянки. Только смех разбирает Берёзку так сильно, что ветки дрожат.

- Ну, Светка, я тебе после представления точно глаз выколю! - шипит Мишка.

- А кто-то говорил, что роли у нас без слов будут, а сам- то… - убегая, кривляется Светка. Она прекрасно понимает, что до конца представления Мишка её и пальцем не тронет!

- И на шум этот прискакал Добрый Молодец, да на боевом коне, – продолжают Василисы.

Добрый Молодец браво выезжает из кустов и скачет на палке с головой лошади, бодро помахивая деревянным мечом над головой.

- Лошадка-то подкачала, - раздаётся реплика из последних рядов. - Худа больно, того гляди - упадёт! Не доедешь!

- Молчал-бы! С тобой-то далеко доедешь? Три дня до Борового пилили! – раздаётся ответная реплика из компании нянечек.

И тут Жека насмешил всех. По сценарию он должен был эффектно проскакать по пригорку рядом с Василисами и, спустившись в низину, оказаться между Красной Девицей и Злым Духом, после чего и вступить в неравный бой с чёрною силою, да и побить всю Нечисть Лесную. А получилось, что обогнув Василис, Жека запутался в длинной накидке и, бросив и лошадь и саблю, кубарем скатился прямо под ноги Мишке.

- Подохла лошадка-то! Не выдюжила седока, - не унимается мужской голос с последних рядов.

Все артисты на мгновение опешили, и Мишка уже решил поднимать лежащего Жеку, когда Василисы продолжили:

- Хитёр был Добрый Молодец, не на коне он решил подскакать к злодеям, а кубарем скатился к ним, чем и напугал их первый раз.

И Мишка падает, изображая сильный испуг, да вот Светка стоит как вкопанная, да глазами только хлопает.

- Если ты сейчас не упадёшь, я тебя вот этим дрыном по голове точно стукну! – шипит Берёзка, дрожа при этом всеми своими ветвями. Светка приходит в себя и тоже падает, подражая Мишке.

- Напугал-таки, Добрый Молодец всю Нечисть Лесную, а потом поднялся, ударил себя в грудь, да и говорит:

- Выходи, Нечисть Лесная, на бой праведный, биться будем! - эту фразу Василисы говорят хором, заученно громко!

А дальше, как говорят в таких случаях, всё покатило не по тем рельсам.

Жека кое-как сначала сел и головой трясёт:

- А шлем где? – говорит он достаточно громко, так, что его слышат зрители, - А сабля? – озирается он по сторонам.

- Жека, кончай придуривается, вставай на ноги! - быстро подползает к нему Мишка и пытается его поднять на ноги.

- Да отстань ты, не буду я с тобой без шлема драться! - выкрикивает Жека и сам поднимается на ноги, отбегая от Мишки.

- Ну хочешь, возьми сам вот этот дрын и стукни меня по голове? - ползёт за ним Мишка на четвереньках, пытаясь спасти сценарий.

Жека приходит в себя, хватает первую попавшуюся из заготовленных берёзовых гнилушек и пытается резко её поднять, но трухлявая древесина разваливается у него в руках.

- О, как силён был Добрый Молодец! – комментируют происходящее Василисы. - Даже палки большие от рук его могучих разлетались в щепки.

И тут Жека издаёт долгое длинное «а-а-а» и хватает вторую крупную берёзовую палку, поднимает её и замахивается на Мишку.

Мишка уже представил, как ему будет сейчас больно, и закрывает голову руками, но дрын ломается посередине, и верхняя его часть падает Жеке за спину, да прямо Бабе Яге на голову. То ли от боли, но скорее от неожиданности, Светка падает с ног и, громко воя, отползает за Красну Девицу – Берёзку, а остаток дрына Жека всё же с перепугу роняет Мишке на голову. Мягкий удар, но Мишка решил подыграть - громко взвыл, забился в конвульсиях, а потом замер, как будто его убили.

- Вот так одним ударом… – начала одна из Василис…

- А точнее - одной палкой, Красный Молодец и побил всю Нечистую Силу!

Жека стоит красный и растерянный, смотрит то на Мишку, то на спрятавшуюся за Берёзкой-Ольгой Светку.

- И поцеловал Добрый Молодец Красну Девицу, да в губы алые! - пытаются вернуть сценарий в прежнее русло Светланки…

- И поцеловал…

А покрасневший и растерявшийся в конец Жека стоит пнём и готов уже вот-вот разреветься.

- Целуй, гад, иначе… Иначе нашей дружбе каюк! - шипит лежащий под его ногами Мишка.

- Три, четыре! - громко раздаётся с последних рядов мужской голос, и несколько голосов громко и дружно скандируют: - И по-це-ло-вал!..

И тут с места срывается дрожащая до этого всеми листиками Берёзка, наступает при этом на Светку, бежит куда-то в сторону, потом делает большой круг, оказывается напротив Жеки и громко чмокает его щёку!

- Вот так и ожила Красная Девица - спас её Добрый Молодец от злых чар! – комментируют происходящее Светланки. Им тоже смешно, и они не сдерживаются.

Зрители бурно аплодируют. А вдруг так и задумано, как они только что видели.

Артисты кое-как приходят в себя и идут на поклон. Кланяются довольно-таки дружно, а потом бегут в кусты переодеваться. И лишь там, немного придя в себя, тоже начинают смеяться и рассказывать друг дружке, шутейно перевирая только что произошедшие события, передразнивая друг друга. И непонятно чему радуются больше: то ли тому, что дети так громко смеялись, то ли тому, что спектакль всё же благополучно завершился и все живы-здоровы.

- Молодцы, ребята! – хвалят их Светланки, у которых на лицах к румянам добавились ещё и подтёки туши…

6.

На ужин они идут вместе с Жекой уже после групп…

А до этого Мишка успел подняться к себе в комнату, достал тросточку из-под своей кровати, быстро сбежал по лестнице, что спускается на улицу как раз мимо кухонного окна. Пробегая по ней, успел крикнуть в приоткрытое, заделанное от мух мелкой металлической сеткой окно:

- Тётя Таня, выйдите на минутку!

Не дожидаясь ответа, обежал здание, поднялся по большому деревянному крыльцу и, спрятав руки за спину, стал ждать, когда выйдет тётя Таня. Тётя Таня вышла, вытирая руки о фартук:

- Что тебе, Миша? Только быстрей, у нас дел ещё непочатый край, - спросила она, улыбаясь и пряча руки за спину.

- Вот! - Мишка достаёт тросточку, протягивает её на вытянутой руке тёте Тане.

- Это мне? – улыбаясь, берёт тросточку тётя Таня, с любопытством разглядывая её узоры. - Ай, спасибо, кавалер, порадовал!

А Мишки уже и след простыл. Доволен Мишка - удалось ему порадовать тётю Таню!

Нянечки в столовой уже вытирают столы, ставят стройными рядами маленькие деревянные стульчики зелёного и синего цвета по периметру стен, о чём-то разговаривая между собой.

Девчонки опять опередили их и сидят вчетвером за одним столиком, дружно хихикают, обсуждая представление.

На столике ребят в белых тарелках дымится рис с изюмом. Это блюдо Мишка очень любит и, пожалуй, даже вперёд Жеки съедает свою порцию. Жека, увидев это, хватает опустевшую Мишкину тарелку, вскакивает и бежит к раздаточному столу, но с полпути возвращается и берёт в другую руку ещё и свою (с не доеденным рисом). Возвращается уже со вторыми порциями. Вот Жека ловкач! Мишка часто не наедается теми порциями, что дают в детском садике, но просить добавки не решается, а здесь даже не одна, а две порции!

- Как это ты?! – удивлённо спрашивает Мишка.

- А мне сказали, что артистам сегодня вторая порция полагается, а мы же артисты?!

Да, они артисты.

И выступали сегодня с душой. И радовались, когда зрители смеялись… И как приятно было Мишке, когда их похвалила заведующая детским садом…

Но ещё приятней Мишке была та улыбка, которой его наградила после выступления вон та девчонка с двумя чёрными косичками, что сидит сейчас к нему лицом и так же, как и он, исподтишка бросает взгляды в их сторону.

Они уплетали по второй порции риса с изюмом, а Жека умудрялся при этом ещё и пить компот. Мишка же оставил ароматно пахнущую тёмную жидкость с плавающими сухофруктами на потом, старательно выбирал изюм, складывал его горкой на краешек тарелки, чтобы съесть его в конце весь сразу.

Через большие высокие окна, что проходят по периметру всей столовой, проникает вечернее солнце, отбрасывая тени от берёзовых стволов. Тени чуть покачиваются и то накрывают уже почти опустевшие тарелки мальчишек, то снова отступают в сторону, уступая место тёплым солнечным лучам.

Хорошо началось лето…

Просто замечательно!

Глава шестая

ЗЕМЛЯНКА

На детских дачах аврал – приезжает большое начальство и какая-то там комиссия. Но для детей персонала дач это великий праздник - их отпускают в свободное плавание до самого вечера. Предложено покинуть территорию и погулять так, чтобы никому из комиссии глаз не мозолить. Про второй глаз ничего не сказано…

1.

Мишке этот день запомнился ещё и тем, что наконец-то на дачи приехал его друг Сашка. Оказывается, у его отца, капитана ВВС, был отпуск, и они вместе с отцом и младшим братом Вовкой летали отдыхать на Чёрное море на целых семь дней.

Сейчас Мишка, Сашка и Жека сидят на скамеечке в тени берёз у парадного въезда на дачи - Сашка сегодня в центре внимания и потому его место посередине. Он на год старше Мишки, перешёл уже в шестой класс и очень этим гордится.

Сашка уже прилично загорел, отметил про себя Мишка, да и подстрижен как-то не по-детски, не так коротко.

А вот Мишке всегда на лето оставляют только один чуб, всё остальное напрочь состригая, и это ему очень не нравится. Отец стрижёт его дома недавно купленной на базаре старенькой ручной машинкой для стрижки волос и, по-видимому, других причёсок пока ещё не освоил.

В ручной машинке что-то вечно заедает, щёлкает, она дёргает волосы и больно цепляется за тело. Процедура для Мишки невыносимая, и он тайно ненавидит её.

На Сашке какая-то невиданная Мишкой до сего дня футболка, со шнурками, клёпочками и с пальмой на нагрудном кармашке. Сейчас Сашка рассказывает о полёте на самолёте и показывает большую, красивую ракушку, что он нашёл на берегу моря. Ох, и большая она, не то, что на Обском водохранилище. Здесь ракушки мелкие, и самая большая из них (что нашли в прошлом году), была размером чуть больше крупной улитки…

Вот в это-то время к ним и подошла Надежда Николаевна, мать Сашки:

- Ребята, вы почему ещё на дачах? Быстро в столовую, там вам дадут, что покушать, и до вечера погуляйте где-нибудь в бору, так, чтобы вас никто не видел. Саша, зайди домой, возьми яблоки. А это вам всем, - она протягивает Сашке маленькую шоколадку. - А где Володя?

Вовка в это время недалеко от них на большой поляне у ограды ловит сачком кузнечиков, но отсюда в высокой траве его не видно.

- Да вон он, на поле, с сачком! – подскакивает Жека и показывает Надежде Николаевне рукой в том направлении, где ещё недавно они втроём видели бегающего в белой панаме, белой майке и чёрных шортах Вовку.

2.

Уже с утра было видно, что день и дальше обещает быть таким же по-летнему добрым и тёплым, да и фарт мальчишкам выпал редчайший - гулять можно аж до ужина. Обед они взяли на кухне сухим пайком (как пошутила повар тетя Таня), рассовали сухари и немного сухофруктов по карманам. В придачу им дали горсть карамелек, их разделил сразу – по две на брата.

- Куда пойдём? – спросил Сашка и тут же предложил сам: - Давай на гороховое поле, там горох уже, наверное, поспел, кузнечиков море, говорят, даже саранча есть. Вот здорово будет, если мы её сегодня поймаем…

- Нет, сегодня пойдём на Рыбачий остров, – заявил Мишка.

- Куда? – в глазах у Сашки удивление и вопрос.

- Я дорогу узнал у нашего водителя. Он говорит, что до острова с километр будет, если идти сначала по дороге лесника, а потом по тропинке через заросли папоротника. Мишка машет рукой, указывая направление. - А потом, перейдя большой овраг, к морю повернём, ещё с полкилометра по лесу, а там мыс будет видно, и на нём - деревня рыбаков.

- А что там делать?! – не понимает Сашка, зачем им нужен этот остров.

- Говорят, они большую рыбу ловят, вот и посмотрим, - отвечает Мишка.

- Далековато, - у Сашки нет желания топать сегодня в такую даль, да слабаком казаться не хочется, вот он и пытается отговорить Мишку от этой затеи. - А хвост куда?!

Эх, беда… Прав Сашка - куда Вовку девать? А с ним в такой далёкий поход не отправишься - устанет. Да уж больно заманчива идея, и времени предостаточно, аж до самого вечера.

- Давай откупимся, - предлагает Мишка. - Ты свою машинку отдашь ему на сегодня погонять, а я свою!

- Мало, - возражает Сашка.

- Ну, тогда конфеты отдадим! Конфеты-то он любит?

- Ага, а ты не любишь?! – тают нотки надежды в голосе Сашки. - Да и скучновато вдвоём будет…

- Почему вдвоём? Жеку тоже возьмём, он парень крепкий, и у тётки его всегда есть чем поживиться на дорожку, - принимает окончательное решение Мишка.

Жека за это время успел сходить за Вовкой, отвезти его, упирающегося, в группу к Надежде Николаевне, и сейчас уже бежит навстречу мальчишкам, выходящим из столовой.

Жеку долго уговаривать не надо, он хоть и круглый, но на подъём лёгкий и пешком ходить мастак. Он так же быстро сбегал к себе в комнату, вытащил два куска серого хлеба, намазанные маслом и малиновым вареньем. Тут же из-под крана набрали бутылку воды и заткнули её газетной пробкой. Достали нож, выпрошенный когда-то Мишкой на кухне и спрятанный им в тайнике под предлогом утраты. Сложили всё это в ведро. Сашка сбегал домой и притащил ещё два довольно та-ки крупных зелёных яблока.

Провизия готова, теперь наступает самая щекотливая фаза сегодняшней затеи – надо встретиться с малым Вовкой и уговорить его остаться на даче…

Ведро поставили у ограды перед выходом в сосновый бор, забросали травой. Такое богатство по их замыслу видеть никто не должен, иначе уведут, да и Вовка если узнает, что они в далёкий поход, то уж точно не отвяжется. А кузнечиков можно ловить и на поляне, что находится выше второго корпуса старшей и средней групп…

В группе Вовки уже не было, и они отправились на поляну. Там его и нашли. Машины с конфетами возымели своё действие, и хвост сам собой отвалился без особых уговоров.

3.

До дороги лесника путь не далёк. Её на дачах ещё называют Зелёной. Она вся заросла подорожником и клевером, так как по ней мало кто ходит, а машина здесь вообще редкость. Одним словом - заброшенная дорога. Идти по ней - одно удовольствие. По краям деревья местами срослись кронами, и образовались теневые, загадочные тоннели, в которых чуть страшновато, но не втроём же?!

- Взлетали с Толмачёва, на «Ту-134». Самолёт так плавно задрал нос и мягко оторвался от земли, что я бы и не заметил, если бы не сидел у иллюминатора, - рассказывает Сашка и одновременно показывает руками, как самолёт выруливал, катил, а потом отрывался от взлётной полосы.

- Летели высоко, прямо над облаками. Там они ещё пушистее, чем с земли кажутся, и движутся намного быстрее, и меняются прямо на глазах. А уже под ними земля, как будто на разноцветные квадратики поделена. И стюардессы ходят по салону, и раздают напитки и конфеты, маленькие такие леденцы, - и Сашка достаёт из кармана три маленьких конфетки – леденца, в необычной золотистой упаковке, протягивает Мишке и Жеке. - Вот такие!

- О, зыко! – восхищается Жека. Он быстро разворачивает обёртку, суёт полупрозрачный желтоватый пахучий леденец в рот, а фантик аккуратно разглаживает и убирает во внутренний карман рубашки.

Мишка ещё никогда не летал на самолёте, и поэтому слушает очень внимательно, ловя каждую подробность, тут же пытается представить сам себя в этих роскошных креслах, смотрящего в овальное окошко. Везёт же Сашке - и отец у него лётчик, и на самолётах Сашка летает уже не в первый раз, и разбирается в моделях военных самолётов, а вот он, Мишка, ни разу ещё не видел самолёт вблизи.

Немного не доходя намеченного поворота, на холмах обнаружили целую поляну брусники, местами уже со спелыми красными и бурыми ягодами - как мимо такого пройти. Ягод спелых ещё немного, но можно набрать горсть-другую, а потом ссыпать эту прелесть прямо в рот и смаковать сладковато-кислую сочную мякоть. А когда кто-то находит ягоды покрупнее – кричит:

- Во, здесь ещё крупнее! Ребзя, давай сюда…

Потом увидели высоко сидящего на дереве красавца орла и долго за ним следили, подбираясь к нему мелкими перебежками, прячась за деревьями. Но близко орёл их так и не подпустил – шумно и тяжело взмахнув огромными крыльями, он сначала начал как будто падать

вниз, а потом медленно взлетел и, сделав в небе большой круг, быстро исчез за верхушками деревьев.

Так они незаметно углубились в лес, и здесь Жека заскулил:

- Ногу натёрло, не могу дальше идти, давай посидим.

- Хорошо. Вот на той полянке – холм. Давай туда бегом, кто первый?! - Мишка бросился наперегонки и первым добежал до намеченного места. Встал на середине, повернулся к приближающимся Сашке и Жеке и… провалился.

4.

Мишка находился в какой-то глубокой яме. Здесь было сыро, темно, пахло плесенью, и затхлый воздух не давал глубоко вздохнуть. Он не на шутку испугался, когда очутился в этой пыльной, щекочущей нос темноте. А ещё страшнее стало, когда где-то там наверху, раздался вой… Пришёл Мишка в себя только после того, как глаза немного попривыкли к темноте, и когда откуда-то сверху раздался голос Сашки:

- Миш, ты где?! Кончай прятаться. Жека воет!

Теперь уже был виден лучик света, проникающий сквозь образовавшееся вверху отверстие. Он наискосок проскальзывал сквозь пыль, но почти ничего не освещал, кроме небольшого пятачка на земляном полу.

- Я здесь, ребя. Это… - Мишка ещё раз огляделся вокруг. - Я в землянке! Большой землянке. Тут темно…

- А-а-а! - раздался диковатый крик Жеки где-то прямо у Мишки над головой и стал быстро удаляться!

- Да не ори, ты, Жека, я провалился… Лучше помогите мне выбраться, - Мишка пытается допрыгнуть до потолка, но землянка оказалась для него очень высокой, и потолка он так и не достал. Ему удалось лишь слегка коснуться свисающей в образовавшемся отверстии сухой травы, с которой снова посыпалась пыль, земля и какие-то гнилые хлопья. Они попали ему в глаза, рот и нос, и Мишка сильно чихнул.

- А-а-а!.. - опять слышится над землянкой голос Жеки…

- Так, надо искать вход, или лаз, - решает Мишка. - Ведь должны же они быть, а как иначе сюда заходили те, кто её когда-то выкопал? Он немного успокоился и начал шарить руками в темноте.

- Сашка! Это квадратная землянка… И она очень большая и высокая, я в полный рост стою. В ней темно, и я не могу найти хода. Ищите с боку холма, поройтесь в траве. Должен быть замаскированный ход или лаз, - крикнул Мишка в световое отверстие наверху и в это же мгновение увидел Сашкино лицо:

- Ты здесь? – спросил Сашка, тревожно шаря по темноте невидящими глазами.

- Да, я тебя вижу!

- А я нет! Кончай придуриваться! Давай, выходи!

- Да не прячусь я, Саня! Я провалился!

Наконец там, наверху, поняли ситуацию, успокоились и стали искать вход в землянку.

Уже в который раз ребята обходят большой пологий холм:

- Миш, а хода нигде нет! – кричит Сашка откуда-то сбоку.

Мишка тоже зря времени не теряет, ощупывая стенки руками и наконец-то находит нечто похожее на ход или лаз, но это что-то завалено всяким хламом и ветками. Мишка начинает быстро разгребать предполагаемый ход.

- Миш, ты где?! – слышно опять сверху в отверстие провала.

- Саня, я нашёл лаз, он засыпан, - Мишка подбегает к просвету в потолке землянки и показывает Сашке направление. Тот долго приглядывается, шаря невидящими глазами по темноте, наконец разглядев Мишку, радостно кричит:

- О, вижу тебя, вижу… Сейчас… - и он исчезает. Теперь слышно, как с обратной стороны лаза шуршат ветки…

5.

Они нашли не только вход в землянку, но и отыскали хорошо замаскированное маленькое прямоугольное подъёмное окошечко, открыли его. Теперь свет проникал в три небольших отверстия, но землянка оказалось очень большой, и этого света всё равно не хватало, чтобы всю её осветить.

Углы обшарили на ощупь, и нашли керосиновую лампу со старой, грязной, треснувшей стеклянной колбой. Потрясли лампу… В ней что-то плескалось. Открутили пробку, понюхали:

- О, керосин, - обрадовался Сашка, - Живём!

- А спичек-то нету, - у Жеки настроение явно не такое радужное.

- Значит, будем искать спички, - говорит Мишка, и поиски возобновляются.

Нары, довольно длинные и широкие, занимают почти всю дальнюю стену. На них старое, затхлое одеяло... Металлическая печурка со снятой жестяной трубой… Несколько проволок, свисающих с потолка, возможно для крепления трубы… Ведро, чашка, деревянные старые ложки, кружка, другая мелкая утварь… И вот наконец-то в одной из металлических баночек (о, мальчишеское счастье!) старый спичечный коробок и в нём четыре спички!

Правда, спички отсырели, и им с трудом удалось зажечь последнюю спичку, которую они предварительно долго по очереди тёрли о волосы. Одеяло вытащили на солнце – просушить. На столик под окошком поставили горящую керосиновую лампу, и настроение у всех явно улучшилось!

Теперь они уже смеялись, перебирая находки, а Сашка в который раз рассказывал, как Жека испугался и заплакал, когда Мишка вдруг исчез…

- Не правда, я не плакал, - нервничает Жека, но по его лицу было видно, что слезу он все же пустил: две серые полоски сползли вниз от припухших глаз на круглые, розовые щёки, да так и высохли.

Начали делиться впечатлениями:

- Правда, я тоже сдрейфил, когда ты так внезапно испарился, как привидение, - улыбался Сашка. - Мы ведь следом за тобой бежали, а ты с холма прямо перед нами, раз и исчез!

- Ребя, ребя, мне деревенские пацаны рассказывали, что здесь Колчак проходил, и они спрятали ящики с золотом, и ещё пушку зарыли и танкетку, - восклицает радостно Мишка своей догадке. - Ведь всё это может быть где-то здесь рядом! А там, у входа, яма большая, ну круглая такая, травой поросла – это, наверное, воронка от взрыва. А значит - здесь бой был, и красные от колчаковцев отбивались. Здесь же никто не искал! Землянка-то давно заброшена. Вон, и лампа вся ржавчиной покрылась, и воздух в землянке задохся, и одеяло завонялось!

- О, точно, танк! – вскрикивает Сашка. Он-то знает, что Мишка провёл два лета подряд в Боровом, и у него там много знакомых ребят. А ещё Сашка знает, что Мишка время от времени втихую смывается к знакомым ребятам в деревню. Да и те изредка приходят к нему на дачи, и они подолгу разговаривают, сидя под берёзами, рядом с бетонной оградой, выкрашенной в белый цвет. Значит, они действительно могли рассказать ему эту тайну.

- А что, танк тоже сегодня будем искать? – недоверчиво спрашивает Жека.

- Не, сегодня по плану – Рыбачий остров. Танк потом будем искать. Для этого лопаты надо будет взять с пожарных щитов, так, чтоб никто не заметил, - составляет уже мысленно новый план Мишка.

- А лопаты-то зачем? – спрашивает Жека.

- Жека, хоть ты и круглый, но дурак! Танк колчаковцы закопали!- стучит себя по голове Сашка.

Мишка смеётся невольной Сашкиной шутке! Тот, поняв, что сказал, тоже заливается смехом!

- А-а-а! – дико орёт Жека, сидящей слева от Мишки. Мишка недоумённо оборачивается и видит выпученные глаза Жеки, а в них нескрываемый страх.

- А-а-а!.. – ещё громче кричит Сашка. Мишка оборачивается к нему, но в это же время и Жека, и Сашка срываются с места и каким-то невообразимым образом оба одновременно просачиваются в узкий проход землянки.

- Ребята, вы куда? Что случилось? – недоумённо кричит Мишка.

- Там паук! Большой паук, – слышит он голос Сашки снаружи землянки. Мишка оглядывается и только теперь видит перед собой спускающегося по тонкой, блестящей

в падающем из отверстия в потолке землянки луче света, паутинке здоровенного чёрного паука с мохнатыми лапками, которыми тот быстро выбрасывает паутинку откуда-то из своего живота.

Мишка тут же вспомнил недавний случай, когда на него напал паук. Это было в конце позапрошлого лета, они с родителями, дедом и бабушкой сидели вечером в старом деревянном домике на садовом участке, недалеко от Новосибирска. Тогда паука первым увидел дед и резким взмахом руки вспугнул его. Большущий чёрный мохнатый паук быстро шмыгнул под старенькую скрипучую кровать, застеленную лоскутным одеялом. А потом им ещё несколько вечеров пришлось по очереди караулить, чтобы поймать паука и посадить его в стеклянную банку.

- Если его сейчас спугнуть, то он опять придёт, - подумал Мишка. - Надо срочно банку… Но стеклянных банок в землянке нет, а паук уже висит перед самым Мишкиным лицом.

Мишка, не отводя взгляда от паука, шарит по столу, нащупывает металлическую баночку, в который лежит уже пустой спичечный коробок, открывает крышку, вываливает на земляной пол её содержимое. Потом медленно подводит открытую банку под паука и быстрым движением правой руки захлопывает её. Всё, паук пойман!

- Миш, ты живой? – слышит он хнычущий голос Жеки. - Ты чего молчишь? Тебя укусил паук, да?

- Всё, ребята, можете заходить. Я паука поймал, он уже в банке сидит, - кричит Мишка в окошечко землянки. И тут же в него показывается голова Сашки:

- Покаж, – шёпотом говорит он.

- Да здесь он, здесь. Никуда не выберется, - показывает Мишка закрытую металлическую коробку на вытянутой руке.

- Зырь, Жека, Мишка паука поймал! – Сашка исчезает из окна, и в световом проёме появляется заплаканный Жека.

- А он нас не укусит? – продолжает хныкать Жека.

- Да не выберется он отсюда! – смеётся Мишка.

В лазе показывается голова Сашки, он долго осматривает землянку, потом поднимается с четверенек и быстро садится на нары.

- Что делать с ним будем? – спрашивает шёпотом Сашка.

- Отнесём на дачи, посадим в стеклянную банку, – говорит Мишка.

В лазе медленно появляется Жека и, так и не вставая с корточек, добирается до нар, потом долго озирается, всё ещё стоя на четвереньках.

- Ну что, так и будешь, как собака, на четвереньках стоять? - спрашивает его улыбающийся Мишка.

- Не, он ещё сейчас лаять начнёт, - пытается шутить Сашка, но видно, что и ему ещё тоже тревожно.

Они по очереди подносят баночку к уху и слушают, как в ней что-то шуршит.

- Всё, я домой хочу, нога болит, - Жека явно обиделся, причём сразу на всех.

- Давай, снимай свои сандалии, посмотрим, что у тебя там, - дружелюбно к Жеке обращается Мишка, ставя баночку с пауком на стол, и помогает тому стащить с ноги новый сандаль с металлической пряжкой…

- А вдруг здесь ещё и беглые бандиты прячутся? – тихо говорит Жека, подставляя Мишке ногу. - Вон и фуфайка висит, как у заключённых…

Глаза у всех вновь попривыкли к темноте, да и пыль рассеялась, и теперь землянку можно рассмотреть почти всю. Да, фуфайку они не заметили раньше, и теперь все немного напуганы версией Жеки.

- Ребя! Сматываться надо! – снова подаёт голос Жека.

- Ты чего, новые сандалии в дорогу надел, не расхожены ведь? Да ещё и без носок! – Мишка видит на ноге Жеки здоровенную свежую мозоль.

- Ага, вы ж сказали по-быстрому, вот я и спешил: стащил два куска на столе и надел первое, что попалось…

- Так ты не сказал, что с нами в лес пошёл? - Сашка напрягся…

- Неа, некогда было… Да и тётка ушла стираться. Чё, искать её что ли?

- Ясно… Миш, давай домой топать, Жека не отпросился.

- Ну и что! Всех ребят и девчонок с дач разогнали. Никто нас до вечера не хватится.

- Не, я домой. Жека на дачи пойдём? – спрашивает Сашка.

Жека явно обрадовался такому повороту событий, кивнул головой и быстро стал дожёвывать свой бутерброд.

- И куда это в него столько лезет? - уже в который раз удивляется Мишка.

- Ладно, вы как хотите, а я на Рыбачий остров, когда ещё такая возможность выпадет, - Мишка первым выбирается из землянки на солнечную лужайку и щурится.

Солнце уже в зените. Свежий сосновый воздух после сыроватого и пыльно духа землянки, пьянит…

Землянку аккуратно замаскировали - ещё пригодится на будущее.

- Ты лампу потушил? - спросил Жека у Сашки.

- Да потушил я, потушил, Жека. Миш, может всё же с нами на дачи? – чувствуется, что Сашке не хочется тащиться с Жекой на дачи, да и идти чёрт знает куда, на какой-то мифический остров тоже.

- Ладно, всё… Вечером за ужином встретимся. Жека, ты сандалии на зелёнке сними, топай по ней босиком, быстрее будет и не так больно. Саш, а ты баночку с пауком спрячь где-нибудь на дачах, потом его пересадим, - Мишка протягивает Сашке металлическую коробочку, тот осторожно берёт её двумя руками так, чтобы крышка даже случайно не могла открыться.

- А я туда, – и Мишка, не оборачиваясь, спускается в ложбину, где высоченный папоротник скрывает его почти с головой.

- Нет, уж если что-то задумано, то осуществить это надо обязательно, - думает Мишка, пробираясь сквозь папоротник. Да и как ловят большую рыбу, ему очень хочется знать, а то пескари да ерши, разве ж это рыбалка. Так и лето пройдёт, а он только по рассказам взрослых слышал, что бывают здоровенные рыбины, и что удачливые рыболовы их обязательно ловят…

Тепло в лесу и тихо. Лишь изредка эту тишину нарушает негромкое пение птиц. Здесь почти нет ветра – высокие сосны стеною стоят до самого моря. А вот в ложбинках влажно и прохладно, и воздух здесь другой, и запахи. Разнообразен сосновый бор, много в нём диковинок всяких, надо лишь поискать…

Глава седьмая

РЫБИНА

В том месте, где находятся детские летние дачи, сосновый бор особенно широк, и чтобы его пройти насквозь – нужно время. Тропинки и дорожки петляют меж высоких сосен и каждый, кто идёт по ним с нетерпением ждёт, когда же мелькнут первые голубые полоски и с моря потянет свежим, чуть влажным ветерком…

1.

Мишка уже достаточно помотался по незнакомой части леса, где даже тропинок и тех не было, и уже пару раз подумывал повернуть назад, когда воздух вдруг посвежел, и сквозь высоченные корабельные сосны появились синие просветы… Ура, вышел! Но куда?

Подойдя к обрывистому берегу, он увидел справа от себя зелёную лесистую косу с деревянными строениями, но до неё ещё добрых полкилометра топать. И всё же настроение заметно улучшилось.

Он спустился по крутому берегу к воде, огляделся и разделся донага. Потрогал ногой воду - холодная. Глубоко вздохнул и быстро и шумно забежал, разбрызгивая кучу фонтанов, что искрились капельками на ярком солнце. Потом немного понырял, чтобы смыть с головы насыпавшуюся при падении в землянку труху и песок. Ему никак не удавалось освободиться от сухой травы и какой-то мелкой крошки, которая всю дорогу колола ему спину, и он потёр руками уже замерзающее тело, после чего поплыл к берегу. Выбравшись, быстро оделся - дел на сегодня ещё много, и всё надо успеть. Осмотрелся. На берегу в этом месте валялось множество коряг, и обрывы местами подступали вплотную к самой воде. Нет, идти надо верхом, по лесу, так будет быстрее и безопасней.

- Теперь уже не заблужусь, - улыбнулся он сам себе.

Ближе к поселению рыбаков лес резко поредел, и в нём стало больше встречаться берёз и других лиственных низкорослых деревьев, и кустарников. А вот и тропка… Бегом по ней, прямо к небольшому песчаному пляжу. Ух ты, как здесь красиво! Залив. И вода спокойная, не шелохнётся. Высоченный берег и сосны прикрывают залив практически с трёх сторон. Класс! Вот он ребятам расскажет, где есть замечательное место для купания! Это будет их пляж!

- Энт, кто здесь?! – услышал он чей-то голос и тут же обернулся. В тени обрыва, на вросшем наполовину в песчаный берег огромном топляке сидел щупленький старичок в стёганой безрукавке:

- Ты, малец, чей будешь? Не к Ваське Седых приехал, ась?!

- Не, я с ДСК. Дачи детские, вот там находятся, – махнул Мишка в ту сторону, откуда вышел.

- Энт, что ж, напрямки по лесу вышел, али как?!

- Да, немного поплутал, но нашёл же Рыбачий Остров. Это же он? – показал Мишка взглядом в сторону деревянных домиков на косе.

- А то… Так ты городской, значится, будешь? На дачах отдыхаш? С кем?

- С мамкой я, она шеф-поваром на кухне работает.

- Как звать-то?

- Лидией Семёновной зовут!

- Да не её, тебя как звать?!

- Михаил…

- А, Мишаня, значится… А что же ты, Мишаня, в такую даль, да один, да без дороги, али интерес какой здесь у табя есть?!

- Есть, дедушка. А вас как зовут?

- А зови - дед, не ошибёшься. Так зачем ты сюды пожаловал, не курей воровать, ась?!

- Говорят, здесь большие рыбины ловятся, хотел посмотреть, а то у нас на купалке только краснопёрка, и та с ладошку, да ерши сопливые. Мелюзга...

- А ты, значится, большую рыбину поймать удумал, так что ли?!

- Хоть посмотреть…

- А каку большу видел-то? – не унимался с расспросами дед.

- Видел, как городские рыбаки на спиннинг вот такого язя вытащили, - Мишка показал на руке. - Во, с локоть будет!

- Ну да, ну да… Тоже хорошая рыбина… Энт, значит, самая большая, что ты видал, да?

- А то! Дед, а здесь такие рыбины есть? Вы ловили? – и только тут Мишка замечает, что под ногами деда лежит старая металлическая баночка из-под чая (отец в такие мелкие гвоздики хранит) да толстенная леска, сложенная аккуратно большими кольцами на песке. Рядом стеклянная пол-литровая баночка с навозными червями прикрыта какой-то мокрой ветошью, несколько палочек и ещё что-то завёрнутое в серую тряпицу… Ни поплавков, ни удилищ, ни грузил….

- Ух, ты… вот это толщина! И что, на такую тоже ловят?! – удивился Мишка.

- А ты на каку рыбалишь-то? – вопросом на вопрос ответил дед.

- Так у нас тоненькая, ну чуть толще волоска, а другую леску рыба видит, не возьмётся…

- А я, значится, чудак, по-твоему?

- Почему, я такого не говорил? - насторожился Мишка.

- Ну, ну… А я вот на енту лесу буду сейчас ловить рыбину-то…

- А какую? Большую?!

- Ну, дык, не маленькую, наверное, а вот какую - увидим, коли споймаем… Мне токма спроворить грузик надо-ть, оборвался он у меня - леса старая, лопнула прошлый раз. А вот здесь у меня свинчатка всякая, – он развернул материю, и Мишка увидал пластины нарубленного свинца. - Мне электрик Витька с Борового за копчёную рыбку на мен принёс, бери, говорит, дед, тебе сгодится. Вот и сгодилось. Мы сейчас с тобой вот здесь под обрывом костерок спроворим и вот в ентой баночке, - дед, кряхтя, сунул руку куда-то за спину и достал небольшую жестяную баночку из-под консервов, опалённую костром и уже с подвязкой из толстой проволоки. – Свинчатку-то сюды сложим и на костерок, опосля вот в енто отверстие аккуратненько её и сольём. Дровишки поможешь собрать-то, Мишаня?!

- Я мигом! - Мишка бросился собирать щепки и сучья, разбросанные по берегу.

-Не, Мишаня, ты в лесок сходи, сухого набери, а от ентих-то, окромя дыма, толку мало. А нам жар нужон. Свинчатка-то жаркий огонь любит.

2.

На сухих сосновых ветках костёр быстро занялся и дал жар. Дед сложил куски свинца в баночку и подвесил её на протянутую к костру палку, чуть повыше языков пламени. Свинец быстро стал оседать, появилась серебряная кипящая жижа, которая и поглотила остатки тающих полосок. Баночку с расплавленным свинцом дед взял рукой, обёрнутой в ветошь, но сначала в конусное отверстие, что были проделаны прямо в песке, дед вставил петельки из металлической проволоки. Затем поднёс к ним почерневшую на огне жестянку и стал аккуратно вливать в глиняные формы тягучую серебристую жидкость. Сначала в одну, потом в другую, в третью.

-Ну вот, таперь чуток обождём и будем готовить снасти, - сказал дед, почёсывая давно небритую щетину на подбородке.

- А где ловить-то будем и как?!

- А вот тут и будем. Вона там, вишь, большая коряжина в воде, а вон другая. А бросать будем с ентого места, - указывает дед рукой на кромку воды, близь большой лужи, соединённой протокой с морем (этакий небольшой заливчик в заливе)…

-Так мелко же здесь?!- возразил Мишка. - Большая рыба глубину любит.

- Ты не перебивай старших-то… Так я и говорю, третьи дни я заметил - мутит меж коряжинами кто-то воду, гребнем ходит вечёр… Сел вон тама на обрывчик-то вчерась, да и высмотрел. Рыбина серьёзная, леш похожа на отмели греется… Шалит… Вот здесь-то и ходит. М-да… А мы его сегодня и словим.

- Как словим-то?! Мелко ведь? Да и от берега близко… Увидит… С лодки надо было...

- А лодку он, значится, и не заприметит… так что ли, Мишаня?!

- Да, что-то не то сказал, - поморщился Мишка, признавая необдуманность слов.

- Мы вот щас снасти-то справим, ты донку-то аккуратненько закинешь, а мы вон туда и отойдём, а через часик и он придёт...

- И что, поймаем?!

- А вот тут как повезёт - забросишь удачно, куда покажу, коль Богу угодно, с рыбкой сегодня вечерять будем.

Пальцы у деда короткие, с большими узловатыми суставами, но крючки к поводкам он вяжет ловко, каким-то замысловатым, невиданным доселе Мишке узлом. Да и узла-то и нет - что-то куда-то завёл, потянул, и всё! А маленький кончик, оставшийся на месте вязки, ещё более укоротил, спаяв зажжённой спичкой.

Мишка внимательно посмотрел на коробок, где-то он уже видел такой толстый коробок, и этикетка была вроде как похожая…

- Раньше-то зубами откусывал, а вот уж с десяток годков, как зубов-то не стало, – хихикнул дед, разбивая глиняные формы и доставая из них свежие, отливающие на солнце серебром, гирьки свинца, с ушками из проволочек на острых концах.

- Кидать-то умешь?!

- А то! Я в школе дальше всех теннисный мячик кидаю, метров на сорок! – приврал Мишка и тут же покраснел.

- На сорок не надо, а вот на двадцать пять, двадцать семь, и вон точнёхонько посередь этих коряжин положить надо, и чтоб сверху упала, чтоб не плюхать. Не шуметь, значится… Как кидать-то будешь, покаж?

Мишка показывает, как он в школе с разбегу кидал мячик.

- Не, так не пойдёт. Возьмёшь за лесу вот эндак, чтобы груз чуток песка не касался, вот так намахаш и бросишь высоко вверх и вперёд. Леса-то по дуге в воду войдёт, меньше плеску будет… Давай, спробуй. Да не спеши, раскачай гирьку-то, а потом кругами… Вот… Вот… хорошо. Подожди кидать-то, червей насадим…

- А что одну будем ставить?! А грузиков три?!

- Энто про запас. Хорошо поставишь и одной хватит, не жадничай… Да, и шуметь не надо, таперь уж не долго, шепотком говорить будем.

- Да мы и так не кричали? – удивился Мишка.

- А таперь ещё тише будем себя вести. Солнце ужо сваливается, скоро придёт…

- Да кто придёт-то?

- Рыбина…

- Какая?!

- А там и увидим, коль словим… Ну, с Богом… Кидай, Мишаня.

Лишь с четвёртой попытки Мишке удалось положить груз в нужное место, дед заметно занервничал:

- Нашумели всё же… Ну, да если ты удачлив - словим. Ступай за мной.

- А что сами-то не кидали? - удивлённо спросил, чуть уставший и тоже немного разнервничавшийся Мишка.

-А табе, значит, самому рыбку-то поймать и не хочется?

- Почему, хочется…

- Ну так и лови, коль доля выпала. Тянуть тоже сам будешь. Сейчас енту палку с развилкой на конце втыкай сюды, прямо в песок, и лесу на неё-то и клади. Да не натягивай, пусть провисает до самой воды… Вот так. А ентот конец замотай на коряжину…вот так… А таперь щепу-то на лесу и подвесь, прямо у стояка, а то издаля видать не будет. Готово?… Таперя идём за мной, вот тама посидим, покалякаем.

3.

Они отошли метров на двадцать от закидушки, присели вновь на тот же топляк в тени высокого берега, немного помолчали.

- Какой высокий обрыв? – решил начать разговор заскучавший Мишка.

- Энт его водой подмыло, а раньше-то здеся ложбинка была, вон за тот островок выходила, а здеся, где тропинка-то, и заканчивалась. Моря-то не было.

- Как не было?! – подскочил Мишка.

- Мы как, Мишаня, договаривались с тобой себя вести-то?

- Шёпотом…

- Так-то!.. А ты прыгаш, как егоза, будто у тебя в попе что есть. Сидай, да тихо и калякаем, - похлопал старик рукою по бревну рядом с собой. - А иначе рыбалки не будет, точно говорю.

Мишка плавно присаживается:

- А где же море то было, высохло что ли?

- Да не было его, и всё… Река Об была, вон за теми островами протекала, чуть дальша. А острова-то холмами были, а вон за тем дальним холмом, что на горизонте чуток видать, деревня наша стояла, на юг, значится, окошками-то… Н-да…

- А говоришь – не видишь! - напряжённо вглядывается вдаль Мишка, приложив к глазам козырьком руку, и увидев на горизонте еле заметную полоску большого острова.

-Так и не вижу уже… Знаю... А потом мы в бору-то землянки выкопали и в них и жили, пока избы да сарайки на мысу ставили. Давно было…

- А землянок сколько было?

- Да две-то и было. Да годика три назад одна осталась, друга провалилась, значится, после сильных дождей. Сгнила.

- Вот оно, почему ямка такая круглая рядом с землянкой - подумал Мишка. - И никакой это не взрыв.

- Щепу-то виш?- спросил дед.

- Вижу. Я даже леску вижу, как блестит на солнце…

- А я уже и щепы не вижу… Рогатину токма… М-да…

Я уже и бросать сам не могу – после минутной паузы добавил дед. - Рука совсем не слухается … Немеет, зараза…

- А как же ты ловить-то один собрался? – удивлённо спрашивает Мишка.

- Так наши-то все на десять дён на острова уплыли, там рыбалят, а ентот чёрт три дня как объявился… Вот и пошёл один, да Бога о помощи-то и попросил, вот он мне её и дал…

- Что дал-то, дед? – спросил Мишка, не совсем понимая о чём это дед ему сейчас говорит.

Дед справил самокрутку из полоски газетной бумаги и серебристо-серого крупного самосада. Послюнявил языком концы бумаги, почмокал их старчески серыми губами, сложил, завернул толстый конец, чтобы табак не просыпался. Тонкий согнул пополам. Взял большим и средним пальцем с толстыми неровными по краям ногтями, жёлтые пластины которых изъедены бороздками и выпуклостями. Вставил в беззубый рот, весело крутанул губами и языком самокрутку по оси, так, чтобы толстый конец снова глядел вверх, и ловко, с первого же раза, зажёг спичку о синий деревянный коробок с бледной этикеткой. Поднёс, пряча от ветра по привычке в ладошку, огонёк к самокрутке - та вспыхнула.

Дед, немного выждав, взял её также двумя пальцами, вытащил изо рта, резко дунул на пламя - цигарка закоптила, и только потом Мишка увидел, как дед выпускает дым, медленно, тягуче смакуя первую затяжку…

4.

- Что дал-то, дед, скажи?

- Да тебя и дал, – впервые со времени встречи дед смотрел на Мишку тёплыми, светящимися глазами, без хитринки, а губы вытянулись в широкую улыбку:

- Ты на лесу-то поглядывай!

- Да смотрю я, смотрю…. Тихо всё…

- Как увиш, что натянулась - чуток обожди, дай ей разок-другой опуститься и токма потом, как сильно потянет, беги… Тихо беги-то, не шуми… Лесу бери аккуратно, не рви сразу, пусть тянет, а ты стравливай помалёху...

- Как это - стравливай?

- Отпускай, значится, медленно, не сильно, в натяг держи. Пока резкого рывка не будет, не подсекай, губу порвёшь, упустим… Вот когда почувствоваш, что потянула сильно, и ты тяни на себя. Токма не рывком, а ровно-ровно, без надрыва выбирай лесу на себя. Да веди вон к той лужице, что я поутру у берега выкопал. Он листом ляжет на воду-то, коль рвать не будешь, хитрить начнёт, не сопротивляться до самого берега… А вот ближе к берегу подтянешь, сам-то отбегай, чтобы он тебя не увидел, и лесу тащи, да так, чтоб в лужицу-то его и вытащыть. Не шибко беги-то, чтоб не споткнуться, иначе он и енту лесу порвёт… Да и не удержишь ты его тогда… Хитростью брать будем. Лады, Мишаня?!

- Лады, дед.

Немного помолчали.

- А колчаковцы здесь были? – спрашивает любопытный Мишка.

- Ась?

- Ну, белые тут с нашими бились в лесу?

- С кем бились-то?

- Ну, с красными?

- А кто наши-то? - опять с хитринкой смотрит на Мишку дед. Видит, что тот заводится, и подначивает. - Энт друзья твои, с детских дач?

- Да нет, дед, с красными?

- А красные, значится, наши?

- А как же? – удивлён Мишка.

- Так и белые наши…

- Да ну?! – Мишка опять вскакивает.

- Ты не егози. Прыгать-то опосля рыбалки будешь,

а таперь молчать будем, время ужо… - дед посмотрел на садящиеся солнце, затушил самокрутку о песок, прижав его старым штиблетом, одетым на босу ногу.

- А про красных? – не унимается Мишка.

- А про енто мы с тобой вдругорядь говорить будем, а сейчас замрём… Ждать будем…

5.

Как не ждал Мишка рыбину, но всё же она появилась для него внезапно, резанув высоким горбом зеркало замершей воды.

- Ух! - вырвалось у Мишки…

-Ц-с-с…- приложил дед корявый палец к губам. - И не шевелись… Замри, будто табя и нету. Это она берег разглядыват, а мы в тени сидим, нас не увидит,- одними губами шепчет дед…

Мишка не дышал, но сердце так сильно билось, что ему казалось не только дед, но и рыба может это услышать…

Рыбина ещё несколько раз разрезала воду своим горбом, потом сильно плюхнулась.

- Играется, - подумал Мишка.

- Мошку ловит над водой, балует, - тихо шепнул дед. - Ну таперь гляди в оба…

Лёгкий ветерок пробежался по воде, зыбь чешуёй покрыла пространство между торчащих из воды пней, и всё… Ни тебе всплесков, ни рыбины.

Мишка посмотрел на деда - дед закачал головой в разные стороны и ткнул пальцем в сторону рогатины:

- Туды смотри…

В этот момент леска мягко натянулась и замерла, чуть дрожа щепою… Мишка было вскочил, но твёрдая рука деда легла на колено:

- Рано… Жди…

В следующие мгновение леска столь же медленно, как натянулась, начала опускаться, а затем и вообще провисла…

- Ушла?!

- Терпи… Здеся она, приманку пробует, хитрит. Острожная…

И ещё раз, а потом и ещё раз леска медленно натягивалась и так же медленно опускалась…. А потом всё замерло. Вскоре подул лёгкий ветер. Солнце садилось и уже касалось макушек сосен. Мишка разочарованно посмотрел на деда:

- Всё? Ветер поднимается…

- Беги! - толкнул его дед.

В следующее мгновение Мишка увидел, как падает на бок палка, воткнутая в песок, а дальше он мало чего помнил…

Как добежал, как вытравливал леску до конца и её не хватило... Как рыбина рвала леску из рук, и он дважды падал в воду, но леску не выпускал... А потом, как закинув леску через плечо, отбегал в глубь песчаного пляжа, и рыбина послушно плыла листом по воде, совершенно не сопротивляясь… И как завёл её потом в эту ловушку, заранее приготовленную дедом… И как дед оказался рядом, перекрывая выход в море… И как рыбина сорвалась и подняла фонтаны песчано-водяной грязи, билась, высоко подпрыгивая… И как дед ногой оттолкнул её от кромки воды… И как он, Мишка, упал на неё, а она била его по лицу своим огромным хвостом… И как уже утихомирившуюся рыбину они с дедом продевали сквозь жабры на проволочный крюк, закреплённый на толстой палке, и несли по крутому берегу к домику старика… Это всё он вспомнит потом, уже подходя к дому деда…

Лещ висел на палке, положенной на Мишкино плечо, хвост его волочился по пыльной тропинке. Крупная чешуя прилипла к штанам, мокрой рубахе, лицу…

- О, какая крупная чешуя у деда на спине. Почему у деда на спине чешуя?!

- Всё, Мишаня, пришли, - дед остановился, тяжело дыша.

- Один донесёшь?

- А то, я сильный! Что тут осталось… Два шага…

- Енто мне два шага, а тебе без малого полтора километра…

- А рыба?!

- А рыба твоя, ты поймал, значится и твоя. Неси на кухню…. А я домой, устал трохи чегой-то… Ну, давай, не стой, вона как солнце-то ужо село. В лесу быстро темнет. Блукать начнёшь…

- Не, деда, я напрямки! - весело вскрикнул Мишка.

- Да ты не кричи. А напрямки не ходи, не доташыш по кустам-то, да по папоротнику. Ентой тропой ступай. Чуть длиннее будет, да сподручней. Зелёную дорогу знашь?!

- А то!

- Да не кричи ты! Вот на неё и выйдешь, а уж по ней и по темну доберёшься. Али у меня переночушь?

- Не, я мигом, - уже отбегая, крикнул Мишка, но тут же остановился, обернулся…

Дед медленно-медленно поднимался по скрипучим ступенькам старого крыльца…

- Спасибо, дед!

Дед, не оборачиваясь, махнул рукой, и отрыл незапертые двери…

6.

На дачу Мишка добрался поздним вечером. Группы уже поужинали, и в столовой прибирались нянечки. На кухне горел свет. Последнюю сотню метров рыбину тянул волоком, отбросив палку - тащить на плече не было сил. Рядом с кухней грузовичка, что возит продукты, не оказалось, а, значит, матери может и не быть. Она последние два дня ездит в город вместо болеющего завхоза.… Жаль, а как хотелось ему показать ей вот этот первый его настоящий улов.

К входу на кухню ведёт с десяток высоких ступенек, и Мишке кажется, что они сегодня выше обычного. А рыбина стала что-то ещё тяжелей. Она уже больше не блестела, была вся в пыли и песке, старых сосновых иголках и уже больше не казалось такой большой и красивой… Из кухни выскочил и быстро сбежал по ступенькам аккордеонист, высокомерный, низенький, толстый мужчина с пролысиной на голове. Он даже не остановился и не взглянул на рыбину. Суетливо засеменил в сторону хозяйственного двора, что-то насвистывая на ходу.

Мишка сел на последней ступеньке, втащил и положил рыбину рядом с собой и понял, что больше и шага сделать не может.

- А ещё этот музыкант, слепой очкарик, даже не заметил, даже не помог… Кому она нужна такая грязная, с облезшим хвостом?

Грязная рыбина сливалась в темноте с коричневой краской потёртых ступенек и теряла с каждым мгновением свои очертания и размеры.

- Никому она не нужна, - грустно подумал Мишка.

- А это кто у нас здесь сидит? Миша, ты что ли?! Опять в столовую не ходил? - последнее слово тётя Таня так и не договорила.

- Девки, гляньте, что Миша принёс. Вот это рыбина! Где ж ты её взял?!

- Где взял, где взял… Да поймал я её! – это Мишка выкрикнул уже сквозь слёзы.

- У-у, а чего плачешь-то? - утирала фартуком бегущие сами собой слёзы Михаила тётя Таня!

- Да тяжёлая она!

- Так, давай её сюда, сейчас будем жарить, а ты ступай, переоденься и умойся, вот ключ. Мама-то, видно, сегодня уж не приедет. Сам найдёшь во что переодеться, а потом уж зови друзей на угощение.

Поздно вечером на летнем столике перед кухней, на большом блюде, красовался прожаренный лещ, посыпанный зеленью… На пир Мишка пригласил всех своих друзей и тех ребят, что постарше. Сам же поднялся на второй этаж, где располагались помещения для персонала, прилёг на постель в комнате, отведённой им с матерью, и… уснул.

И снилось ему, что приехала мать, тихо входит в комнату и говорит:

- Намаялся, богатырь. Как ты рыбину-то дотащил?

И ещё кто- то:

- Да уж. И не разбудить его теперь….

А потом что-то очень тихонечко звякнуло, и запах жареной рыбы начал щекотать ноздри. Он хотел сказать, что не спит и всё слышит. Но куда-то всё проваливался и проваливался, а говорить было так лень, что даже язык не слушался…

Проснулся он рывком от того, что ему очень захотелось есть, и он вспомнил, что его ждут друзья.

Не одеваясь, выскочил из комнаты (оказалось, он её не закрыл) и босиком сбежал по крутым ступенькам. Одинокий фонарь освещал участок перед кухней, пустой участок. Он присел за столик, немного посидел. Было прохладно, и он начал мёрзнуть. Встал и медленно пошёл к себе в комнату. И только теперь он заметил, что в изголовье его кровати стоит стул, а на нём большая белая тарелка, накрытая чистым белым вафельным полотенцем.

Сидя на кровати, он уплетал большой кусок жареного леща с зеленью, куском белого хлеба и улыбался…

Луна заглядывала в окошко, плавно скользила по высокой черноте летнего неба и зажигала звёзды.

- Раз, звезда, - считал Мишка вслух. – Два, звезда, три…

А дальше он уже не считал. Дальше он уже спал богатырским сном.

Глава восьмая

ЗОЛОТАЯ МОНЕТА

Жара…

Ни ветерка…

На небе ни облачка…

Трое мальчишек, накупавшись до одури, лежат на обжигающе горячем песке и смотрят в синее-синее небо. По небу медленно движется еле заметная серебристая точка. За ней, в небольшом отдалении, возникает ровный, как по линеечке проведённый, белый след, который там вдалеке уже растекается, как чернила на промокашке. Но над мальчишками след всё ещё безупречно ровный. Там, высоко-высоко, кто-то кроит необъятное небесное полотно маленькими серебряными ножницами…

1.

- А что там? - спросил неожиданно Жека.

Мишка тихонечко приоткрыл один глаз, но говорить ему было совсем неохота и он, вздохнув, так же тихонечко его закрыл.

Сашке было лень сделать и это.

Тёплый ветерок с воды хоть и обдувал тело, но жары не убавлял.

Не услышав ответа, Жека решил сам ответить на свой вопрос:

- А там Бог… И он сейчас смотрит на нас! – после этих слов Жека шумно перевернулся на живот, подставил солнцу свои круглые плечи, поставил локти на песок и обхватил мягкими пальцами круглый подбородок.

- Ну да, на твою попу Богу будет смотреть явно веселее, - пробует шутить Мишка, но и это ему делать лень.

Солнце немилосердно палит, и когда ветра нет, чувствуется, на сколько же горячим стал воздух.

- Тётка говорит: «Бог не Антошка - видит немножко».

- Ну и что твой Бог видит? – лениво спрашивает Сашка, так и не открывая глаз, но тоже переворачиваясь на живот.

- Тётка говорит, что он все наши грехи видит и потом нам по ним и воздаст!

- За них… - поправляет Сашка.

- А Жеке что «за», что «по» - всё едино, - лениво вступает в разговор Мишка и тоже переворачивается на живот, потом резко втыкает свои острые локти в песок, кладёт подбородок на расставленные в стороны ладошки, как Жека, и открывает глаза. Смотрит внимательно на Жеку.

Они лежат на песке трёхконечной звёздочкой, головами друг к другу. Ещё в начале лета Мишка предложил ложиться именно так, чтобы никому не было обидно – так ведь они все на равных, да и споров после этого больше не возникало – кому, где лежать.

- А потом она говорит, что Бог дал, Бог взял…

- Это как так? – спрашивает Мишка.

- А вот она говорит, Бог дал мне мамку, и он же у меня её забрал.

Мишка с Сашкой помнят, что Жека живёт с тёткой, а мать их всего лишь изредка навещает.

- А мамке моей он дал вино, и она забыла про сына, то есть про меня…

Сашка тоже переворачивается, кладёт голову на руки и открывает глаза.

- А ещё она говорит: «Бог разум даёт, он его же и забирает». И когда мамка к нам пьяная приходит, то это сразу видно… Она как дурная. И я совсем не пойму, что она говорит и почему плачет и ругается. И мне тоже тогда хочется плакать.

- А Бог твой видел, как ты у тётки своей вчера стащил три картофелины и потом жарил их вечером на костре, когда мы к тебе подошли? – спрашивает Сашка, посматривая прищуренными глазами на Жеку.

- Тётка говорит: «Он всё видит и за плохое обязательно накажет», - с каким-то сожалением в голосе тихо говорит Жека.

- И за те картофелины тоже накажет? - продолжает наступать Сашка.

- И за них тоже, - тихо отвечает Жека.

- И как? – Сашка неумолим, если уж зацепился, не отцепится. Мишка это знает, но вступаться за Жеку ему пока не хочется. Да и ответ ему тоже интересен, и он внимательно смотрит то на Сашку, то на Жеку.

- Я не знаю, и от этого мне ещё страшнее, - с выдохом отвечает Жека.

- А воровать, значит, было не страшно? – наступает Сашка.

- Страшно! Но вы же знаете, ребята, что мне всегда хочется есть, и я никогда не наедаюсь теми порциями, что нам дают в столовке.

- Да нет там никого, Жека. Мой отец на «МИГе» летает, и он говорит, что там чёрный космос. А ещё выше - звёзды. Может, на звёздах кто-то и есть, но этого пока никто не знает, - уверенно заканчивает Сашка, складывает руки на песке, как на парте – одна на другую, и, отворачиваясь от Жеки, кладёт на них голову, и снова закрывает глаза.

- Ну и хорошо, что никого нет, - облегчённо вздыхает Жека. Видно, что он в это не слишком верит, но сама мысль, что там пустота, и оттуда его никто не накажет, успокаивает Жеку.

- А я видел во сне, что нас на землю принесли инопланетяне… И посадили, как цветы на полянку… А потом вдохнули в нас что-то, и вокруг нас появились голубые маленькие облака. А потом они протянули от них серебряные ниточки высоко-высоко, прямо к звёздам… И ниточки стали переливаться и по ним, как по проводам, к нам стали приходить наши сны, наши мысли... А когда ниточки обрываются, цветы теряют свой цвет и быстро увядают… – медленно, нараспев рассказывает свой сон Мишка.

- И мы умрём? – тихо спрашивает Жека, и Мишка видит, как на больших круглых глазах Женьки появляются слёзы.

- Нет, Жека, мы сейчас побежим играть в водный футбол!

Мишка вскакивает первый, хватает резиновый мячик и бежит к воде:

- Сашка, тащи две палки, это будут ворота. Жека, ты будешь вратарём, а потом вратарём будет тот, кто забьёт гол.

2.

Здесь, в районе «Юбилейной» купалки, что вынесена в море на больших металлических понтонах метров на пятьдесят и к ней ведут деревянные мосточки с перилами, – большая отмель. Вода прогрета солнцем и кажется тёплой, как парное молоко. Купалку недавно сорвало штормом, и она частично затонула. Мостки местами разрушились, и из воды торчат металлические опоры с перекрытием. На этот большой естественный природный пляж отдыхающие ходят редко - он далеко от дач. Но для водного футбола лучше мелководья не найти.

Брызги, крики, азарт, радость - вот, что сейчас объединяет трёх мальчишек, таких разных по характеру, но всё равно дружных.

Досыта наигравшись, запыхавшись, они тут же придумывают новое занятие – собирать на отмели разноцветную гальку, и тот, кто больше гальки разных оттенков найдёт, тот и выиграл.

Для этого они отходят чуть дальше от пляжа, к обрыву, на место, где вода ещё незамутнённая и, становясь на четвереньки, ползают, почти касаясь лицом воды.

- У меня чёрный!- кричит Сашка.

- И у меня! – весело отзывается Жека.

- А у меня серый! - поднимает над водой руку Мишка.

- Серых здесь много, давайте серые играть не будут,- предлагает усложнить правила игры Сашка.

- Хорошо, серые не играют, - соглашается Мишка и бросает свой камень далеко в воду! Тут же это самое проделывает Сашка, а потом и Жека. Некоторое время они соревнуются, кто дальше закинет камушек, а потом вновь возвращаются к поиску.

Время от времени они выходят из воды и складывают свои находки в три разные кучки. Кучка у Жеки растёт быстрее всех.

- У-у, глазастый, - говорит Сашка. - Ещё пять минут и соревнования заканчиваем, - вводит он новое правило, и Мишка видит, как Жека засуетился, ему очень хочется быть сегодня победителем.

Мишке же явно не везёт - то ли место досталось глубже, чем остальным, то ли просто фортуна решила поиграть с ним сегодня в прятки. Он проигрывает не только Жеке, но и Сашке, но всё же пытается хотя бы приблизиться к ним. Нет, без боя он им первенства сегодня отдавать не намерен.

- Четыре минуты,- Сашку веселит, что Мишка им сегодня проигрывает, и он давит на нервы…

- Три…

В этот момент Мишка находит большую россыпь цветных камней, поднимает их один за другим, а потом роняет все сразу, и наклоняет лицо прямо в воду. На дне, посверкивая одним боком, лежит тёмный кругляк. Мишка осторожно поднимает его со дна и сжимает в ладошке, чтобы случайно не обронить, выныривает:

- Ребя! Глянь, что нашёл! – бежит Мишка на берег и только тут открывает крепко сжатую ладошку.

Мальчишки своих камней не выбрасывают (а вдруг Мишка хитрит), но всё же бегут к нему.

- Покаж? – на ходу выкрикивает Сашка и тут же роняет свои камушки.

- Вот это да!! – восклицает он: - Золотая?

У Мишки на ладошке лежит монета – пожалуй, и крупнее и толще пятака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.